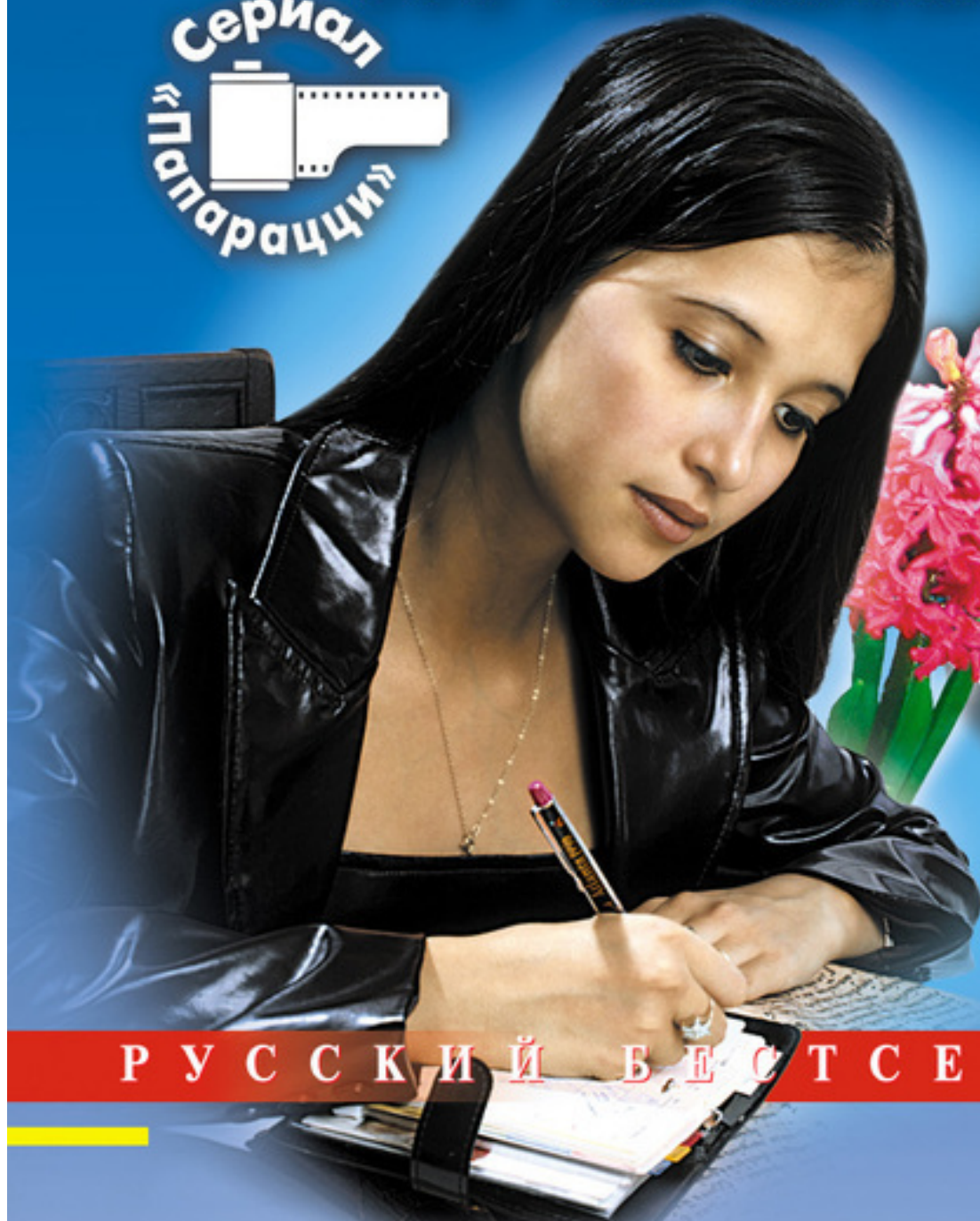

Светлана
АЛЕШИНА

Преступление без наказания

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Папарацци

Светлана Алешина

**Преступление без
наказания (сборник)**

«Научная книга»

2001

Алешина С.

Преступление без наказания (сборник) / С. Алешина — «Научная книга», 2001 — (Папарацци)

Ольга Бойкова, главный редактор газеты «Свидетель», дает отпуск своему секретарю и подруге Марине, которая в очередной раз влюбилась. В это же время в городе происходит несколько дерзких ограблений обменных пунктов и ювелирных магазинов. Милиция никак не может выйти на след преступников. Неожиданно курьер газеты сообщает, что его знакомый, бывший уголовник Константин, решил завязать с преступностью и боится, что на него «повесят» эти ограбления. Но парня неожиданно убивают. Однако Ольга продолжает расследование. И каково же ее удивление, когда выясняется, что доверчивая Марина также замешана в этом деле. Хоть и не по злему умыслу, а по наивности...

Содержание

Преступление без наказания	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Светлана Алешина

Преступление без наказания (сборник)

Преступление без наказания

Глава 1

Много людей на свете, и все они разные. Они-то разные, да мироощущения у них одинаковые; одна я выпадаю из общей массы нестандартностью, оригинальностью и необычностью.

Мне это доказать – раз плюнуть!

Вот все люди, у кого ни спроси, когда начинается, например, весна, что ответят? Правильно, как заведенные, раз и навсегда обученные, отрапортуют: первого марта, вашбродь!

А попробуй спроси, может ли весна наступить в феврале или в июне, так что услышишь в ответ? Услышишь то, что слышать не хотелось бы. А еще хуже будет, когда вообще ничего не скажут, только посмотрят с усмешечкой, и заподозришь, что про тебя люди думают, будто у тебя с крышней-то не того. Не в порядке малость.

Я для себя все эти сомнения преодолела, потому что сделала такое открытие, ну прямо такое глобальное и климатообразующее, что даже сама приятно удивилась.

А все началось, как и любое эпохальное дерево-яблочное-по-лбу открытие, с мелочи. На прошлой неделе моя Марина заявила мне, что ей все онастобрындило, и потребовала отпуск.

Кто-то подумает, я сразу же подскочила в кресле, станцевала джигу и прокричала: бери, пожалуйста, и на подольше?

А вот и нет. Я была уже девушкой наученной и опытной. Скуксила физиономию погрузнее и заняла что-то жалобное в стиле Шуберта: на кого ты нас оставляешь, да если не будет тебя, как не впасть в уныние.

Маринка расплылась довольной усмешечкой, потом улыбочкой и потом, махнув рукой так резко, что у меня сердце замерло от недоброго предчувствия, все-таки не сделала гадости и настояла на своем, но крепко пообещала при этом выйти из отпуска на пару деньков раньше. Если получится.

– Вы смотрите, ребятки, не одичайте здесь без меня, – пожелала она напоследок, – а то вернусь через месячишко, глядь, а вы тут по веткам прыгаете и блох друг у друга выкусываете!.. Дрессируй вас потом.

Я промолчала, Виктор – тем более, Ромка выпрыгнул с каким-то никчемным противоречием, на которое, впрочем, никто и внимания не обратил, а Сергей Иванович просто рассмеялся и ответил, как и подобает мужчине и джентльмену:

– Не дождетесь, Мариночка!

Я не зря сделала такое вступление про климат, не зря, потому что вслед за отъездом Маринки я вдруг почувствовала, что наступила весна! Самая настоящая весна! А-ля натюрель, дьябль!

В первый день, придя на работу, не встретив Маринку около кофеварки и зная, что ее сегодня точно не будет, я, прошу прощения, конечно, за такое свинство, расплылась такой улыбкой, и настолько похорошела, и сама себе понравилась – в зеркале проверяла, – и после этого поняла однозначно: весна наступила!

Дни уже не тащились и не тянулись своими тягомотными заботами, все было легко и прекрасно, и я с беспокойством ощущала, что так быть не должно и это неправильно. Все-таки

мы с Маринкой подруги с огромным стажем начиная с университета, нельзя, просто нельзя так искренне радоваться ее отсутствию.

Я попробовала пробудить в себе если уж не стыд, то хотя бы совесть. Увы, не получилось.

Пребывая в такой борьбе с самой собой, я бодро и без напряжения работала, чего требовала и от остальных своих друзей и коллег. Тем более что жизнь скучать не давала.

В последнее время достаточно спокойное прозябание Тарасова вдруг было нарушено, если так можно сказать, – но нам, газетчикам, наверное, можно, – целым рядом однотипных и наглых преступлений.

Группа из двух или, по другим данным, из трех человек совершала наглые по своей прямоте и брутальности ограбления обменных пунктов валюты. Все совершалось просто, как в приснопамятных девяностых годах, или примерно так, как показывают нам по телевизору в домотканых боевичках средней паршивости.

Молодой человек заурядной наружности подходил к обменному пункту, наклонялся над окошечком, показывал девушке-оператору пистолет и, не спуская с нее взгляда, выгребал с помощью все той же девушки всю наличность. В описании преступников, – а не следует забывать, что описание давали напуганные женщины, – фигурировали в качестве особых примет такие безусловные и запоминающиеся факты, как «бешеный взгляд», «бандитская рожа», и более общая характеристика, выражаемая термином «сволочь-гад».

Последнее наблюдение было, конечно же, самым ценным и содержательным.

Думаю, понятно, было от чего нашим бодрым представителям власти и внутренних органов потерять покой. После того как преступления не прекратились сами, наша городская милиция начала откровенно нервничать.

После однотипного ограбления трех обменных пунктов были выставлены дополнительные посты у всех оставшихся, но налеты на банковских служащих прекратились. Грабители, очевидно, заранее предугадывая такое развитие событий, что было вовсе не сложно, переквалифицировались на ограбление магазинчиков, торгующих ювелирными изделиями.

Тут-то и было совершено первое убийство. Охранник магазина-салона «Монарх», руководствуясь то ли ошибкой, то ли дурно понятым героизмом, зачем-то попал под две пули. В результате оставил вдовой жену, детей сиротами, а витрины в магазине все равно были обчищены.

Нападавших на магазин было двое, что зафиксировала камера наблюдения, установленная над входом в магазин. Все дело заняло у грабителей три минуты двадцать секунд, и, выскочив из магазина, они свернули в проходной двор и уехали на поджидавшей их машине. Это было второе косвенное доказательство, что в банде три человека.

Наша газета, как и все средства информации города, освещала и описывала эти события, помещала на своих страницах фотографии ограбленных обменных пунктов и разгромленных магазинов. Все было как у всех, и мне это нравиться не могло. Наша газета, специализирующаяся на жареных фактах, на сенсациях, на собственных расследованиях, вдруг оказалась в общем потоке и не вырывалась из него, а иногда и отставала, потому что издания городской и областной администраций получали информацию самую свежую из максимально информированных источников.

Все это не могло не огорчать меня, и настроение, так славно поднимавшееся после отъезда Маринки, начинало портиться. Не нравилось мне такое положение вещей, но сделать я ничего не могла: не было источников, не было информации, и как назло ничего больше не случалось, достойного внимания и опубликования. А колонка криминальных сообщений с перечислением героических буйств алкашей в Затоне или на Верхнем рынке, вызывала у меня изжогу. Хотя и об этом, конечно же, нужно было печатать материалы.

Однако, скажу честно, сама я эту колонку не читала почти никогда. Слишком уж однотипны были бытовые преступления наших граждан, совершенные под правильным алкогольным градусом.

Сегодня, придя на работу, прослушав все новости по радио, прочитав сводки новостей в Интернете, я отвернулась от монитора и подумала, что дальше так продолжаться не может. Приходилось вытаскивать из своих записок давно приготовленные «рояли» и ставить их в кусты.

Повертев в руках авторучку, я почти приняла решение, что пора мне идти в народ и добывать репортажи.

Быстренько набросав список адресов возможных рейдов, начав его с подпольного публичного дома в гостинице «Московская» и закончив СИЗО № 1, отбросив в сторону авторучку, я вышла из кабинета в редакцию, держа в руке план действий.

В редакции все было на своих местах, все крутилось и работало, но радости от сознания этого мне не доставляло.

Сменив Маринку на важнейшем посту секретаря и главного смотрителя кофеварки, Ромка при моем появлении в редакции, как оказалось, усердно перетирал бокалы и блюда, очевидно, готовясь к обеду.

Я быстро отвернулась, чтобы не смущать мальчишку, потому что боялась рассмеяться: уж слишком забавным было его лицо.

Виктор – наш фотограф и мой дежурный бодигард – находился в своей фотолаборатории, а вот Сергей Иванович Кряжмский, старейший и опытнейший член нашего коллектива, отвернувшись от компьютера, нахмурившись и сосредоточившись, сидел над маленькой шахматной доской и переставлял фигурки, недобро поглядывая при этом на свои часы.

Заинтересовавшись происходящим, я подошла к нему.

– Задачку решаете? – спросила я. – Мат в три хода, но белым нельзя убивать черную пешку?

– Нет, Оленька, хуже, – мрачно проговорил Сергей Иванович, – положение мое гораздо хуже. Я осваиваю современные шахматы.

– Вот как! – теперь уже я заинтересовалась еще больше. – А чем же они отличаются от нормальных? То есть я хотела сказать от старых, обычных? У них лошадь не так ходит?

Сказав «лошадь», а не «конь», я с довольной улыбкой увидела, как Сергей Иванович куснул губы и запрограммированно начал мне объяснять, как правильно называть фигуры в шахматах, а как неправильно.

– «Конь», а не «лошадь», Оленька. А еще «ферзь», а не «королева», а также «слон», а не «офицер», – Сергей Иванович высказал мне все это на полном серьезе, думая, что занимается моим образованием.

– Рокировка, а не лакировка, – поддержала я его, – шах – не титул, а угроза мата, а сам мат – не ругательство, а полный бенз. Так чем же новые шахматы отличаются от старых?

– Временем, Оленька, – вздохнул Сергей Иванович, – только временем. В современные шахматы играют быстрее, чем в привычные наши. И куда торопиться? Все там будем! Эндшпиля никто не минует.

– Оптимистично звучит! – одобрительно кивнула я. – Прямо жить сразу захотелось. Так, значит, никто не минует?

Я повернулась к окну и подумала, чем бы мне еще заняться. Разговор с Сергеем Ивановичем побудил меня сделать вывод, что его лучше сейчас не трогать и не советоваться с ним о будущих публикациях и рейдах по значным местам. Похоже, он сам себе проигрывает в современные шахматы, и это его огорчает. Нашел, кстати, чем огорчаться! Вот если бы он Маринке проиграл или Ромке, тогда было бы все понятно, а себе проигрывать не стыдно, можно сказать даже, почетно!

Я молча постояла у окна и направилась к себе в кабинет.

Через несколько минут, осторожно постучав в дверь, чего никогда не делала Маринка, ко мне зашел Ромка.

– Кофе принес, о недостойный последователь нашей Марины? – спросила я.

Ромка, научившись варить кофе так, будто с рождения только этим и занимался, вел себя на порядок скромнее и незаметнее. В этом смысле он мне нравился больше Марины, что я и не скрывала.

Однако Ромка на этот раз был без подноса. Он мялся около двери и что-то порывался сказать, но, так как сделать это почему-то не решался, следовательно, сделала я вывод, проблема касалась его лично.

Осознав это, я с недоумением взглянула на парня. Подозревать, что Ромка решился объяснить мне в любви, было вообще-то глуповато, но, честное слово, кроме этого, других объяснений я придумать в первые секунды не могла.

– Что-то случилось? – спросила я, на всякий случай отклоняясь так хитро, чтобы между нами оказался монитор моего компьютера. Классное ощущение, между прочим. Сидишь словно за пулеметом. Вот – ты, а там – весь остальной мир, и я его излучением, излучением...

Вспомнив про излучение, я кашлянула и махнула Ромке рукой:

– Ну, ты определяйся давай – или туда или сюда.

Ромка потоптался и, набравшись таким способом героизма, проговорил:

– Ольга Юрьевна, а можно я вас о чем-то попрошу?

– Попросить-то можно, – весело ответила я, – а вот получить, пока не знаю. Что у тебя случилось? – повторила я и обнадежила Ромку: – Подходи сюда, я не кусаюсь. Сегодня магнитная буря, и я не в форме.

Ромка подошел к моему столу, зачем-то воровато оглянулся на дверь, чем уже возбудил мое любопытство, и, наклонившись ко мне, быстрым шепотом проговорил:

– Один мой знакомый хотел бы с вами переговорить, Ольга Юрьевна.

– Один твой знакомый? – переспросила я. – Ты не шепчи и садись на стул. К чему такие детективные замашки?

Ромка сел, а я спросила:

– Одноклассник твой, что ли? Или кто? И что ему нужно? – задавая кучу вопросов, я самым бессовестным образом выигрывала время, пытаюсь сообразить, что же понадобилось Ромке или, точнее говоря, его знакомому. Я как-то давно уже не задумывалась, а есть ли у него хоть какие-то знакомые, кроме нас, работающих в редакции.

Я почесала кончик носа и резонно решила, что: раз он говорит о них, значит, знакомые точно есть.

– Ну так о чем идет речь? – подтолкнула я Ромку к изложению проблемы, даже приблизительно не предполагая, о чем может идти речь. Может быть, он хочет кого-то порекомендовать нам вторым курьером? Однако, как я понимаю, у нас и один курьер, он сам то есть, не переламывается от работы.

Ромка кашлянул для храбрости и начал коряво, волнуясь и краснея, излагать.

– Он уже взрослый, Ольга Юрьевна, – сказал Ромка, и я с удовольствием отметила это слово. «взрослый»! Понятно, кем себя считает сам Ромка, и правильно, между прочим, его-то самого к взрослым можно будет отнести только через несколько лет, если поумнеет, конечно.

– Где же ты с ним познакомился, если он такой взрослый? – поощрительно улыбаясь, спросила я.

– Его брат учился вместе со мною, так что я его давно знаю. – Ромка жестоко почесал себе шею, добавив тише и доверительнее:

– Только у него биография не совсем того... чистая.

– Это как же понимать? Чем он ее запачкал? – начала заинтересовываться я разговором.

Если раньше ничего, кроме ерундовой просьбы, я не ожидала, то, как мне подсказывало чутье журналиста, сейчас передо мною замаячило что-то вроде малюсенькой статейки на половину подвальчика.

– Ромка! Не тяни, рассказывай, рассказывай! – поторопила я нашего сына полка.

– Понимаете, Ольга Юрьевна, – решился Ромка, но на всякий случай опустил взгляд, – он, ну то есть брат моего одноклассника, когда-то получил три года за вооруженное ограбление и отсидел, значит.

– Три года за вооруженное ограбление? – повторила я, понимая, что предчувствие меня не обмануло и статейка точно выгорит, только надо будет ее еще высидеть, ну да за этим дело не станет. – Немного же он нагребил, этот твой взрослый знакомый, если так мало дали!

Я закурила и, видя, что Ромка снова засмутился, спросила:

– Так что же от меня хочет твой налетчик? Еще кого-нибудь ограбить? Меня, что ли? Так с меня брать нечего.

– Зачем вы так, Ольга Юрьевна? – явно оскорбился Ромка за своего знакомого, и я, поняв, что перегнула с ненавязчивым юмором, поспешила на попятный. – Извини, Рома, но ты говоришь такие необычные вещи... Так что же от меня требуется? Он к нам на работу хочет устроиться?

– Понимаете, Ольга Юрьевна, он хочет с вами поговорить! – выпалил Ромка.

– Прекрасно, – сказала я, все еще ничего не понимая, – пусть приходит. Он, надеюсь, отсидел только три года не потому, что убежал и сейчас находится в розыске?

– Нет, нет, он попал под амнистию, – покраснев от волнения, сказал Ромка, – но, понимаете, сам он прийти не может. Я сейчас вам все объясню, то есть как он мне объяснил, а я ему верю. Его в последнее время стали зажимать менты, ну, то есть органы...

– Поняла, – кивнула я.

– Из-за этих налетов, – пояснил Ромка, – кассы брали, а потом охранника убили, ну вы знаете. А он по похожему делу проходил, и теперь его постоянно вызывают и проверяют, берут показания.

– Ну-ну, – я начала подозревать, что неизвестный мне бывший грабитель решил обратиться к свободной прессе за защитой своих прав и достоинств. Мысль эта меня и заинтересовала немного, и чуть рассмешила.

– Ну вот, – продолжил Ромка, – а вчера вечером он пришел ко мне и по секрету сказал, чтобы я вам передал, что он может кое-что рассказать про эти дела. Ну, про ограбления, значит.

– Его работа? – прямо спросила я. – Колись, время пришло!

– Нет, не его! – твердо заявил Ромка и взглянул мне в глаза.

– А ты откуда знаешь? – я положила сигарету в пепельницу и сама наклонилась вперед, решив раскрутить Ромку на весь максимум информации, какой только будет возможен. Дело уже пахло не статьей, а полным подвалом, да еще, возможно, и с продолжением.

– Он сам так говорит, – Ромка недоуменно посмотрел на меня, словно удивляясь моей непонятливости, – мы же с ним знакомы... мы знакомы... Ого! Десять лет! Вот сколько!

– Довод сильный, – чуть ли не восхитилась я, – но давай-ка поподробней, а? Мне надоело тебя подгонять.

– Ну получается так, Ольга Юрьевна, – начал Ромка, торопясь и сбиваясь, но все же стараясь говорить как можно подробнее. – Вчера пришел ко мне этот одноклассник Алешка и позвал к себе, сказал, что по очень важному делу. Я собрался и пошел. А дома у него его брат. Его зовут Константин. Он стал спрашивать про нашу газету, он много ее номеров прочитал. Ну а потом рассказал, как его, значит, стали таскать по ментовкам, ну то есть...

– Да поняла я уже все, поняла давно, ты давай к сути переходи! – прикрикнула я. – А то ты никогда так и не закончишь!

– А все! – сказал Ромка и вытаращил на меня свои честные глаза.

– Да ты же ничего еще не сказал! – возмутилась я. – Все, что я слышала, было преамбулой, давай наконец амбулу, где она?!

– Константин сказал, что ему известно, кто все это делает, но в милицию он обращаться не хочет, потому что... ну потому что не верит им. А вам он скажет, потому что верит...

– Мне лично? – улыбнулась я.

– Газете, – поправил меня Ромка. – Он думает, что если в газете напишут про другую какую-то версию, то менты просто обязаны будут начать ее расследовать.

– Не факт, – сказала я, – а вот то, что на нас наедут и начнут трясти, как кого не скажу, это факт, а даже не предположение.

Ромка замолчал, глядя на меня, замолчала и я, постукивая пальцами по столешнице.

Ромкин рассказ заинтересовал меня и озадачил, в чем признаюсь без сожаления. Предположение, что можно будет самостоятельно раскрыть ряд преступлений, совершающихся в городе, было слишком аппетитным, чтобы оказаться реальным, но чем черт не шутит...

Подумав и переварив полученную информацию, я решила, что ничего не потеряю, если встречусь с этим Костей и переговорю с ним лично. В конце концов никогда не знаешь заранее, где найдешь полезную для газеты информацию. Даже сама история Константина, рассказанная просто, как пример работы наших внутренних органов, тоже сама по себе была неплохим материалом.

– Я только не поняла одного, – сказала я. – Почему он сам не может ко мне прийти? Ты же так сказал, да? Так почему не может? Здесь вполне уютно и очень неофициально.

– Он опасается, что за ним могут следить, – сказал Ромка.

– Как-то странно. Если за ним могут следить, так, значит, могут подозревать, что он кому-то расскажет о том, что знает. Его знание само по себе уже опасно. Поэтому для тех, кто опасается, его проще убить, чем тратить время и нервы на слежку. Логично?

– Наверно, – поосторожничал Ромка.

– Что «наверно»? Бандиты убили охранника и показали этим, что для них жизнь человеческая ничего не значит, а ты говоришь: «он опасается!» – возмутилась я. – Не вяжется что-то в твоём рассказе, опасаясь я. Не вяжется.

– Он никуда из дома не выходит, а к брату зашел, так это потому, что это брат, и подозревать тут нечего. К тому же они живут рядом. А мы подъедем как будто в гости. Кто что заподозрит?

– Чушь какая-то, – пробормотала я, – либо твой Константин немного не в себе, либо сегодня первое апреля. Сегодня первое апреля?

– Нет, Ольга Юрьевна, – ответил Ромка, – а Константин совершенно нормальный, только мне показалось, что он...

– Был пьяный? – понадеялась я.

– Нет, мне показалось, что он был напуган. Знаете, так странно: вроде взрослый совсем, а видно, что боится. Он попросил не выходить вместе с ним и окно занавесить. А еще у него с собою был пакет с буханкой хлеба. Он так старательно маскировался – типа за хлебом пошел и к брательнику заглянул.

Я тяжело вздохнула. Легкое настроение, появившееся было у меня в начале Ромкиного повествования, теперь сменилось какой-то необъяснимой тоской. Если раньше я думала о статье для газеты, то сейчас о том, что не придется ли мне вызывать «Скорую» из психлечебницы во время визита к Константину или просто отбиваться от психопата?

Первый вариант мне понравился больше. Однако всегда оставался шанс, что именно в этом болоте и именно в такой непутевой упаковке может быть скрыто что-то ценное. Сочинил же дедушка Крылов басенку про петуха, нашедшего в кашке жемчуг! Или это Эзоп придумал? Одним словом, и такое в жизни возможно.

– Ну что ж, Рома, – обреченно сказала я, – уболтал ты меня. Поедем, посмотрим и послушаем, а потом и выводы делать будем.

– Сегодня? – спросил Ромка.

– Что сегодня? – удивилась я. – Константин твой настаивал на срочности?

– За ним же следят, – напомнил мне Ромка.

– Значит, можно и сегодня, – кивнула я, бросив быстрый взгляд на свой ежедневник, хотя точно знала, что сегодня вечер у меня свободный. Как, впрочем, почти всегда. – Ты будешь звонить своему Константину?

– Он сам мне обещал позвонить и узнать о результате, – ответил Ромка.

– Можешь говорить смело, что результат положительный, – подвела я итог разговору.

До смешного радостный Ромка выскочил из кабинета, оставив меня в задумчивости по поводу сегодняшнего вечернего мероприятия.

Я посмотрела на часы и, обдумав возможные варианты встречи, начала собираться на нее, как Шварценеггер на очередной героизм... Только тот обвешивался базаками и прочими автоматами, у меня же оружие было другое.

Первым делом я проверила, как работает мой портативный диктофон, и заменила в нем батарейки. Затем, посмотрев, сколько кадров осталось в заряженной пленке, и решив, что имеющейся половины мне хватит, положила его рядом с диктофоном на стол. Блокнот, авторучка и пачка сигарет с зажигалкой довершили натюрморт.

Окончив приготовления, я нажала кнопку селектора и пригласила к себе Виктора. Виктор мне ничего не ответил по своей привычке, но каким-то отработанным шестым чувством, или, выражаясь проще, привычным навыком общения с ним, я поняла, что Виктор меня услышал и сейчас придет.

Так и получилось. Я не успела еще закурить, как дверь отворилась и показался он.

– Сегодня будет дело, – коротко сказала я.

Мерзопакостная привычка Виктора молчать всегда и по всякому случаю заставляла и меня говорить кратко и четко, насколько это, конечно, получалось.

– Ромка нашел какого-то знакомого с уголовным прошлым. Тот хочет нам слить информацию про последние грабежи и убийства. Не знаю, сколь все это серьезно, но лучше отнестись к этому как следует. Мне кажется, твое общество мне не повредит. А вот отсутствие его повредить может. Хочу тебя попросить прокатиться со мною. Ну все, в общем, как обычно. Только без Маринки, но зато с Ромкой.

Как всегда, выслушав меня молча, с отсутствующим выражением лица, Виктор кивнул, что означало его заступление на вахту по охране жизни, чести и достоинства моей персоны. И я теперь была спокойна.

– У меня пока все, – сказала я, и Виктор, снова кивнув, вышел и тихо прикрыл за собою дверь.

После его ухода я заметила, что не чувствую некоторого неудобства от того, что не спросила о его собственных планах на этот вечер и о том, хочется ли ему вообще катать по городу в разных направлениях свою бессовестную начальницу.

Свинская радость по поводу отъезда Маринки и переживания на тему этой радости совсем заглушили во мне все остальные, более слабые чувства.

Глава 2

Незадолго до окончания рабочего дня зашедший ко мне Ромка сказал, что Константин дозвонился, с ним все договорено, и он нас будет ждать сегодня к восьми вечера у себя дома.

– Где он живет? – спросила я.

– Около Верхнего рынка в частном доме, – ответил Ромка. – Там можно почти к самому дому подъехать на машине. За домом уже идет дорога к объездной, но с той стороны подъезда нет. В смысле подхода.

– Твой Константин живет в Шанхае, что ли? – сразу поняла я.

– Ага, – ответил Ромка, – там.

Шанхаем у нас в Тарасове называется поселок частных домов, разросшийся еще в хрущевские или даже более ранние времена до таких головоломных лабиринтов, что без надежного проводника там можно было заблудиться навсегда. Роль Минотавра в этом лабиринте играли бандитские шайки местных малолеток, что, наверное, было пострашнее Минотавра, тот хоть по своему лабиринту бегал в одиночестве. Замечание Ромки о трассе говорило о том, что дом Константина находится в относительной доступности. Это было приятно, но не более того.

Мы с Виктором и Ромкой отъехали от здания редакции в самом начале восьмого. Добираться недалеко, поэтому мы еще успели выпить перед отъездом по чашке кофе.

Ромка заметно волновался. Он чувствовал себя непривычно взрослым и солидным. Еще бы! Вез свое руководство на деловую встречу, которую сам и организовал! Было от чего понервничать мальчишке. После получасового петляния на моей «Ладе» по Шанхаю мы сумели подъехать к старому деревянному дому, около которого Ромка сказал нам остановиться.

– Приехали, что ли? – спросила я, оглядывая неприветливые пейзажи все более в грязно-серых тонах. Единственным ярким мазком на этом полотне жизни была метавшаяся по дороге рыжая шавка, сразу же нас облаившая и на всякий случай спрятавшаяся под забором.

Сбоку от ближайшего деревянного дома виднелся узкий проход между двумя покосившимися заборами. Там, в глубине этого коридора, проглядывался двор, где на прогнувшихся под тяжестью веревок повешенное на них белье мерно покачивалось над помойкоподобной клумбой. Цветниками в этой клумбе служили старые автомобильные покрышки, игриво крашенные блеклой краской разных тонов, но все того же рыже-собачьего цвета. Оптимизма все это не внушало никакого. Не знаю, как моим спутникам, а мне захотелось поскорее развернуться и уехать отсюда. Кажется, ясно почему.

– Нужно пройти во-он туда, Ольга Юрьевна, – Ромка махнул рукой как раз в сторону заинтересовавших меня клумб, – Константин живет там.

– Приятно слышать, – сухо ответила я и первой вышла из машины.

Виктор тщательно запер «Ладу», проверил, как у него это получилось, и, пропустив нас с Ромкой вперед, замыкал наше шествие вдоль двух заборов.

Блин, ну куда только не забрасывает и не засовывает меня журналистская работа!

Попав во двор с клумбами и сумев как-то при этом нигде не испачкаться, мы, лавируя между простынями и наволочками, пробрались к одинокому домику-крошечке в два окошечка. Домик был маленький, какой-то словно приплюснутый и сверху, и с боков.

Ромка, подойдя к входной двери, приподнятой над землей на две ступеньки, стукнул в нее каким-то неумовимо замысловатым образом.

– Это код, – обернувшись, шепотом объяснил он и, услышав шаги за дверью, проговорил громче и веселее: – Константин, принимай гостей! Это Ромка пришел!

Дверь отворилась в несколько приемов, скребя и по полу, и по перемычке, словно она разбухла и просела от старости, хотя, может быть, так оно и было, и на пороге показался согнувшийся под низким потолком сеньей худой, коротко стриженный парень.

– Привет, – сказал он, – заходите.

После этих слов парень повернулся и пошел в дом. Открыв там вторую дверь, он не стал закрывать и ее. Надо думать, чтобы мы не заблудились.

Я замешкалась перед крыльцом, и Ромка, правильно меня поняв, не стал изображать из себя благовоспитанного юношу и пошел первым.

После темной и тесной прихожей с ужасающе низким потолком вторая комната оказалась вполне приемлемой, даже почти приличной.

Она, конечно же, не потрясала размерами, но представляла собой обычную комнату, эдакую большую кухню, мечту всех хозяек. Раковина с почти современным краном, а не с допотопным рукомошкой висела слева, газовый котел стоял справа. Прямо у противоположной входу стены стоял круглый деревянный стол, зачем-то выкрашенный коричневой краской; слева от него – такой же крашенный старинный буфет, а слева от стола – разложенный двуспальный диван.

Справа в стене, между котлом и буфетом, находилась закрытая грязноватая белая дверь, ведущая, очевидно, в маленькую комнату или кладовку.

Я бы сказала: все здесь было простенько, но уютно. Два стула около стола довершали впечатление сохраненной уютиности.

Приятель Ромки Константин оказался высоким костистым парнем приблизительно тридцати лет. Он выглядел как раз так, как и должен выглядеть человек, однажды попавший в тюрьму и навсегда оставшийся в ней. В душе, конечно.

Он был очень коротко стрижен, сутул, с быстрым взглядом исподлобья. Пальцы его рук были разрисованы перстнями, а одет он был в безобразную теплую клетчатую рубашку: что-то темное с чем-то светлым. «Немаркое» – как говорят в народе.

– Ну заходите, не стесняйтесь, гости дорогие, – тихим хрипловатым голосом произнес Константин, – присаживайтесь куда вам удобно. Чаю хотите?

– Нет, спасибо, – за всех ответила я и, оглянувшись, обнаружила слева от двери вешалку. Я повесила туда плащ, взяла с собою сумочку и прошла за стол.

Я села на диван с таким расчетом, чтобы сумки, лежащей на коленях, не было видно. Достав из нее пачку сигарет и зажигалку, я прощупала диктофон и попросила разрешения закурить.

– А без проблем, – быстро ответил Константин, возвращаясь в прихожую и запирая там дверь на засов. – Курите что хотите, у меня здесь порядки простые, пацанские, все ништяк и без понтов.

Я поняла, что курить можно и хозяин гостей любит, кивнула и закурила.

Вернувшийся Константин поставил передо мною пустую банку из-под шпрот, как видно, давно уже привыкшую быть пепельницей, и тут Ромка, стоящий у серванта, пробормотал:

– Ну в общем, Константин, это вот Ольга Юрьевна, а это Виктор. Ольга Юрьевна, она у нас главный редактор, я тебе рассказывал, а Виктор фотограф и классный па... человек.

Константин задумчиво посмотрел на меня, потом более внимательно на Виктора и, наконец-то решившись принять нас без дальнейших расспросов, пододвинул себе стул и сел напротив меня.

Мне это было очень удобно. Я скользнула пальцами к диктофону и нажала кнопку, одновременно с этим кашлянув, чтобы заглушить щелчок.

– Извините, дымом поперхнулась, – по-простому объяснила я, и в глазах Константина мелькнуло одобрение, и внешне он как-то расслабился. Вот так одним покашливанием я убила двух зайцев сразу: незаметно включила диктофон и дала понять нашему хозяину, что я нормальный человек. Хотя, как было видно по его домику, таких дам, как я, здесь не бывало. Да и не будет никогда, это-то понятно.

– Вы хотели со мною переговорить, Константин, – сказала я, – слушаю вас.

– Есть такое дело, – сказал Константин. – Понимаете, может быть, все это и будет странно звучать, но дело в том, что я в завязке и не хочу больше чалку надевать. Мне одного раза хватило вот – по самое. Не хочу!

– Ну почему же странно, – ответила я, – по-моему, это нормальное желание – не хотеть больше в тюрьму. А для этого достаточно не совершать правонарушений.

– Неправильно понимаете, – усмехнулся Константин. – Чтобы не залететь, достаточно быть осторожным. Газеты-то читаете? – Константин словно продолжал со мною дискуссию, начатую с кем-то накануне.

– Бывает, – призналась я, пока еще не понимая, к чему он клонит.

– А, ну да, вы же их пишете, – вспомнил Константин. – Так вот, по статистике, по честной то есть, а не по этой, ментовской, раскрываемость преступлений не доходит до половины. Так что выгодно нарушать закон, и можно это делать всю жизнь и числиться в нормальных гражданах. Но я не хочу всего этого. Вот так!

Константин постучал ребром ладони по столу.

– К тому же по новому кодексу лоб уже зеленкой не намажут, так что жить можно. Везде люди живут.

Константин опустил голову, подумал и продолжил:

– Короче, завязал я, но не все в это верят. Многие пацаны думают, что я просто замерз.

– Простите? – переспросила я.

– Ну, дурочку канаю, притворяюсь то есть и готовлю дело. Но это не так. Но людей ведь не убедишь, что ты не верблюд!

Я понимающе кивнула. С последним тезисом я была согласна, а насчет всего остального пока, говоря родным языком Константина, была в непонятках и не в курсах.

– А короче, подкатывает ко мне как-то один приятель. Он у нас каптером был, мы с ним случайно встретились, потом, еще короче, он предлагает мне работу. Начал расписывать прямо, как Пикассо, мол, все будет в ажуре и бабок полный карман. Я сперва-то и не понял, о чем идет речь, а потом слышу, раз налет, два, потом магазин этот и встречаю снова этого дурика, а он уже приподнятый такой и пачкой денег трясет перед мордой, значит. Снова начал фаловать и намекнул, что это их работа. Ну а я отказался.

– А вы правильно его поняли? – спросила я. – Или, может быть, он шутил или говорил вообще про другое?

– Он прямо в цвет говорил, – повторил Константин, – описал даже, как они в магазине работали. И не мог все поверить, что я больше не хожу по этому коридору. А потом, когда понял, предупредил, чтобы я никому ни-ни. Ну вот, в общем.

Константин порылся в кармане брюк и достал из них мятую пачку «Примы». Я протянула ему зажигалку, и он прикурил, наклонив голову и сложив ладони так, словно находился на улице и под сильным ветром.

– Спасибо, – сказал Константин, передавая мне зажигалку. – А потом менты начали кипешиться. Ну что они могут? Участковый приходил раз пять, гнида мразотная, соседей опрашивал, меня все колол. Потом вызывать начали. Я-то уже паленый, значит, по-ихнему, первый кандидат, если не найдут настоящих-то. Я как это понял, мне так хреново стало. Они, козлы, значит, меня за человека не считают, чтобы свои задницы прикрыть и показать, что раскрыли дело, готовы меня снова приземлить на зону, а я почему терпеть должен?

Константин разволновался, вскочил со стула и начал ходить по комнате, резко взмахивая руками.

– Я пару раз ездил к Юрику, он перекрывается сторожем на стройке. Он вроде как понял и по своим каким-то делам решил отойти от дела. Но меня все равно крепко взяли. А к ментам запаadlo прийти на бровях, все-таки Юрик свой парень. Вот я и подумал, что если вы начнете печатать статьи, типа что не нужно всех бывших хватать и заставлять их признаваться в том,

чего не делали, то менты прислушаются. Я вот НТВ смотрю, вижу, прокуратура давит на них, а сама в своих силах не уверена. Они же всегда так: чем меньше уверены, тем больше давят. Закон такой есть, вот они по нему и работают...

Слушая рассказ Константина, я напряженно думала, переводя его на нормальный язык и пытаюсь понять, чего здесь было больше: правды или правдообразных фантазий. Ведь вполне возможно, что первая половина рассказа Константина была правдой, а вторая – попыткой как-то избавиться от пристального внимания правоохранительных органов.

– Кроме того, – продолжал Константин, – Юрик, ну мой товарищ, он на самом деле участвовал в этих делах и хочет теперь отстать, но попробуй скажи это ментам! – Константин вытаращил на меня глаза. – Ты вот попробуй и узнаешь, что они тебе скажут! А скажут: пусть сидит! А я с ним поговорил, и, когда предложил про газету, он сразу ухватился, потому что его подельник решил продолжать работать, он полный отморозок. Его даже сам Юрик побаивается. Подельник на самом деле опасается, что его могут грохнуть. Да и сам я тоже начал осторожничать, знаете же: береженого бог бережет!

Я переглянулась с Виктором. Ситуация прояснялась, но проще от этого не становилась. Более того, я оказывалась в двусмысленном положении: точка зрения Константина, по которой выходило, что все люди, само собой разумеется, находятся в оппозиции к внутренним органам и должны помогать другу другу на этом поприще, мягко говоря, не соответствовала моей. Однако еще предстояло разобраться в этой истории окончательно. Какие-то сомнения по поводу рассказа Константина у меня оставались.

– Вы дадите мне адрес вашего Юрия? – спросила я, аккуратно кладя докуренную сигарету в банку из-под шпрот.

– Конечно, секретов нет.

Константин легко поднялся и, подойдя к буфету, долго искал на нем то ли лист бумаги, то ли ручку, а может быть, и то и другое одновременно.

Я вынула из сумки блокнот с авторучкой и приготовилась записать адрес.

– А, у вас есть чем писать, – проговорил Константин, – ну так где он живет, я не знаю.

Я удивленно взглянула на него.

– Он не местный, не тарасовец, хату снимает у кого-то, где ж еще. Но я знаю, где он сторожит. Там мы с ним постоянно и встречались.

– Это где? – спросила я. Замечание про незнание адреса мне не понравилось. Показалось, что вся история начала отдавать каким-то водевилем. А может быть, Константин просто немного, того... фантазер?

– Так объяснить сложно, – Константин помучился с ручкой и с силой потер себе лоб, словно вручную помогая головному мозгу соображать, – ну, в общем, так, проехать к нему на работу несложно. Это в районе стекольного завода, почти напротив второй проходной был пустырь. Так вот теперь там выстроили длинную такую халабуду девятиэтажную. Юрик ее и охраняет.

Я взглянула на Виктора, он кивнул, давая понять, что объяснения понял.

– Девятиэтажка напротив второй проходной, – повторила я.

– Ну да, а там больше и нету никаких новых домов, все хрущобы стоят панельные. А это единственный кирпичный дом, к тому же в девять этажей. Заблудиться невозможно.

– Попробуем найти, – сказала я, убирая обратно в сумку непригодившийся блокнот.

– А знаете что! – вдруг просветлел лицом Константин. – Если у вас есть типа желание или время, мы можем это сделать прямо сейчас. Без проблем!

– Почему бы и нет? – вслух подумала я, решив, что, безусловно, лучше будет сразу разобратся во всей этой истории, чем откладывать на потом и нервничать, прикидывая, что было здесь правдой, а что нет.

– Ваш Юрий работает так поздно? – спросила я немного невпопад.

– Для него это рано, – усмехнулся Константин. – Он же сторожит, я говорю про эту новостройку. Построили такую китайскую стену в пятнадцать подъездов, и заселение уже намечено на следующий вроде месяц, а там еще конь не валялся и недоделок до х... куча... большая. Много чего недоделано, вот.

– Значит, едем сейчас, – решила я, на всякий случай взглянув на Виктора.

Виктор посмотрел на меня, и, как сказал классик, «на челе его высоком не отразилось ничего». Это означало, что у Виктора сомнений в правильности моего решения не было и непосредственных угроз он пока не видел.

– Ну тогда я буду собираться, да? – сказал Константин и встал из-за стола.

– Если вы не передумали ехать, – сказала я.

– Нет уж, не передумал, – упрямо повторял Константин, – даже лучше будет, если вместе поедем, Юрик поймет, что вы не левые какие-то там, а нормальные люди. Со мной лучше...

– Я сейчас соберусь, я быстро, – сказал Константин и, подойдя к открытой белой двери справа от буфета, открыл ее и вошел в другую комнату, прикрыв за собой дверь.

Чтобы размяться, я встала со стула, снова заметив, какой же здесь низковатый потолок, и направилась к двери, чтобы выйти на улицу. Диктофон я выключила, решив, что Константин выдал весь пласт информации, которым владел, и нового больше ничего не скажет.

Героически молчащий Ромка потопал следом за мной, Виктор начал приподниматься, и тут мы все услышали, как в соседней комнате что-то упало.

Я покачала головой, удивляясь неуклюжести мужчин.

– С тобой все нормально? – крикнул Ромка и шепотом добавил: – Это он, наверное, носки уронил.

– Фи, юноша, – поморщилась я, – не пытайтесь шутить, а то пошлость получается.

Я снова повернулась к выходу, но тут же взглянула на Ромку.

– Он тебе ответил? – спросила я, кивая на дверь.

– Не-а, – Ромка удивленно взглянул на меня и подошел к двери, за которой скрылся Константин.

– Костя? Что у тебя там? – крикнул Ромка. – Челюсть, что ли, уронил? – не выдержал он и снова попробовал пошутить.

Константин и на этот раз не ответил.

Тогда Виктор, быстро подойдя к Ромке, рукой отодвинул его и, стукнув в дверь один раз, сразу же отворил ее.

– Что там? – спросила я, стараясь заглянуть в комнату, но не подходя ближе. Пока мне еще не было все это остро любопытно.

Виктор молча заскочил в комнату. По его резким движениям я поняла: что что-то произошло.

Заглянувший в комнату Ромка бросил на меня испуганный взгляд. Я быстро подошла.

Константин лежал на полу. На боку. Неестественно прямо вытянув вперед правую руку, его левая сжимала захваченный угол простыни, сдернутый с узкой кровати при падении.

– Ох! – только и прошептала я, прислоняясь к косяку.

Виктор, присев около Константина на корточки, приложил к его шее ладонь.

– Что? Что? – громким шепотом спросил Ромка.

Я осмотрела комнату. Здесь было единственное окошко, закрытое снаружи ставнями, и еще одна невысокая дверь. Она была полуоткрыта. Даже непонятно было, куда могла вести эта дверь в таком небольшом домике.

Виктор прыжком вскочил на ноги, подбежал к этой двери и резким ударом ноги распахнул ее.

Я увидела миниатюрную кладовку с полками и банками, но легкая деревянная стена кладовки справа была проломана. В ней зияло отверстие, достаточное для того, чтобы в него про-

лез взрослый человек. Сквозь отверстие была видна дорога с катящимися по ней автомобилями.

Ромка наклонился над Константином.

– Что? Он жив? – спросила я безнадежно, понимая, какой последует ответ.

– По-моему, нет, – тихо ответил Ромка.

Виктор взглянул на меня, возвращаясь к Константину.

– Застрелили, – сказал он.

– Нужно звонить, – проговорила я, доставая из сумки телефон.

В этот момент мне послышалось или показалось какое-то движение в кладовке, и я, сделав шаг туда, посмотрела на заставленные всякой ерундой полки и, развернув сотовик, повернулась к кладовке спиной.

Тут же я получила сильнейший удар в спину, толкнувший меня прямо на Виктора. Сотовик упал на пол, и я очень изящно приложилась по нему ногой, продолжая падать.

Я могла успеть только крикнуть что-то вроде «А-а-а!», что и сделала.

Виктор подставил руки и сумел поймать меня. Ромка предусмотрительно шарахнулся в сторону, стараясь никому не мешать – ни мне падать, ни Виктору ловить меня.

– Он был здесь, гад! – крикнул Ромка, махая рукой в сторону кладовки.

С помощью Виктора я приподнялась, но никого уже не увидела.

– Сиди здесь и звони в милицию! – крикнула я Ромке, совсем забыв о печальной судьбе своего сотовика.

Виктор выскочил в кладовку первым, я ринулась за ним, и так резво это у меня получилось, словно делать мне больше было нечего или я всю жизнь бегом занималась на какие-то там дистанции.

Выбравшись на улицу, я оказалась на краю дороги, выдергивая на ходу из сумки фотоаппарат.

Виктор пробежал на пару шагов дальше меня вправо и, похоже, увидел больше моего, потому что резко свернул и бросился на дорогу, буквально наперерез желтым «Жигулям», мирно катившимся в сторону центра города.

«Жигули» вильнули влево, водитель истерично засигналил, но Виктор не обратил на это внимания.

Тут-то, проследив за ним взглядом, я увидела заскакивающего в серую «Волгу» мужчину.

Быстро поднеся к глазам фотоаппарат, я сделала два снимка, и тут же «Волга», резко газанув, сорвалась с места. Виктор не успел добежать до нее. Зачем-то я сделала еще кадр, как он остановился на дороге и махнул рукой.

Больше Виктору торопиться смысла не было, и он не спеша пошел ко мне, совершенно не обращая внимания на то, что происходит вокруг. Водители проезжающих мимо автомобилей почему-то не решались связываться с Виктором и, притормаживая, пропускали его.

Глава 3

Я позвонила и вызвала милицию из ближайшего телефона-автомата. Ближайшим, конечно же, его можно было назвать только условно: идти до него пришлось пятнадцать минут. Ромка меня сопровождал, а Виктор вернулся к дому. Я его не просила об этом, он зачем-то сам захотел.

– Ольга Юрьевна! – обратился ко мне Ромка, когда я начала набирать второй номер по телефону.

– Что тебе? – спросила я.

– А вы расскажете, что это я организовал вашу встречу? – спросил Ромка.

Я бросила на него короткий взгляд и поняла, что Ромкин вопрос помог мне решить для себя один мой собственный, личный и важный. Константин доверился мне, случилось такое несчастье, и я пока не могла решиться обращаться за помощью в розыске убийц к милиционерам, которых Константин и не любил и боялся. Мне казалось, что будет умнее, если я сначала сама переговорю с Юрием, запишу и его рассказ на диктофон, ну а затем со всеми данными пойду на поклон к одному моему знакомому громогласному майору. И хоть майор Здоренко первым и вторым делом обругает меня последними словами, но потом сделает все, что надо, и даже больше.

Прокрутив все это в голове, я поняла, что надо ответить Ромке.

– Я следовательно ничего не буду говорить. А ты скажешь, что никакого разговора вообще не состоялось. Не успели еще поговорить. – Я решительно набрала номер телефона Фимы Резовского. – Ну словом, мы только пришли, Константин попросил подождать, вышел, и тут все произошло. Ясно?

– Еще бы! – ответил Ромка.

Фима был моим старинным приятелем. Он работал адвокатом, выполнял для меня всякие юридические поручения и, когда не был занят и не занудствовал, что с ним случилось частенько, был весьма приятным парнем. Сейчас мне были нужны его услуги профессионального порядка, так как мне не хотелось надолго задерживаться в обществе оперативников и следователей, и только Фима мог помочь сократить время общения с ними.

Его не оказалось на работе – и тут я вспомнила, что уже некоторым образом наступил вечер, – и мне пришлось перезванивать ему на сотовый. В отличие от моей мобилы, его оказалась целой, и я услышала Фимин голос после второго же сигнала.

– Фима, это я! – сразу же заторопилась я сообщить информацию. – Мне очень некогда, так что слушай внимательно.

– Ей некогда! Ей некогда, а мне от этого печально! – как всегда, с подчеркнутым театральным пылом провозгласил Фима. – Печально, потому что некогда мне, Оленька! Мне, а не тебе! Передо мною сейчас стоит тарелочка...

– С голубой каемочкой? – перебила я Фимину болтовню. – Хватит трепаться! Меня сейчас могут так крепко взять за жабры, что выпустят только к утру, если повезет, а я хочу спать дома! А перед сном мне еще кое-какие дела нужно разрулить! Ты приедешь?

– Куда ж я денусь, мечта моя! – обреченно вздохнул Фима. – Уже приподнимаюсь над стулом, как над суетой, и надеюсь, что хоть когда-нибудь ты меня оценишь по достоинству. Я имею в виду, что меня с моими достоинствами ты оценишь по достоинству.

– Считай, уже оценила, – безопасно для себя подтвердила я. Все равно, когда он приедет, можно будет сказать, что я или забыла, или пошутила, или передумала.

Фима трагично вздохнул, а так как он вздыхал в трубку телефона, то я услышала что-то вроде взлета «Конкорда» в троекратном переложении.

– Если бы я тебе еще и верил, – грустно произнес Фима и добавил: – А тарелочка, между прочим, не с каемочкой, а с картошечкой по-французски. Приятная штучка, скажу я тебе... Твое дело на самом деле очень спешное, или я еще успею докушать? – в Фимином голосе завибрировали жалобные нотки. – Что у тебя там стряслось, счастье мое? Ты случайно никого не изнасиловала в порядке самообороны? Нет, чтобы потренироваться сначала на мне, так ты...

– Увы, ты не подвернулся, – ответила я, – но если будешь и дальше так тянуть, то с тобой это точно произойдет, обещаю!

– Серьезно?! – воскликнул Фима самым заинтересованным тоном. – А сколько нужно потянуть, чтобы уж наверняка?

– Фи-има! – крикнула я. – Почти у меня на глазах убили человека, я вызвала милицию, и она уже должна мчаться сюда на всех парах! Преступник удрал, а я здесь жду, когда они приедут и примутся за меня!

– Кто они? – самым серьезным голосом спросил Фима. – Убийцы?

– Милиция! Оперативники! Следователи! – в негодовании крикнула я.

– Это лучше, чем убийцы, признайся! Но все равно пропала моя картошка, диктуй адрес! – крикнул Фима. – Черт с ней, с картошкой, ты дороже!

– Приятно слышать! – холодно сказала я и сообщила, где сейчас нахожусь.

– Ой, блин! Ну ты и забралась! – озадаченно пробормотал Фима. – А как-то по-другому нельзя, что ли, туда добраться?

– Можно, но в таком случае ты будешь искать три дня.

– Все! Я уже встал и иду к выходу, – доложил мне Фима, – и даже пиджак уже застегнул.

– Ну и слава богу, вешаю трубку и начинаю тебя ждать, – сказала я.

– Начинай, начинай, – пробормотал Фима. – Я вот что думаю... – его голос перешел на доверительный полусшепот. – Ты представляешь, я в эту картошку только два раза ткнул вилок, а пришлось заплатить, словно я ее съел. Мне кажется, этот официант мою порцию сбаврит кому-нибудь как новую и даже не намекнет, что это секонд-хенд.

– А что, бывает картошка секонд-хенд? – поинтересовалась я.

– Оказывается, да. Блин, ну и прибыльный же гешефт, чтоб я так жил!..

Я положила трубку не прощаясь и отошла от телефона, стараясь быстрее вытрясти из головы весь словесный мусор, каким меня засыпал Фима. Как товарищ и адвокат Фима всегда на высоте, но как трепач он даже не на высоте, а на Джомолунгме. Недосыпаем то есть.

– Ефим Григорьевич приедет? – с надеждой спросил меня Ромка, в волнении поеживаясь.

– Обещал, – ответила я. – Пошли к Виктору, а то я тоже что-то нервничать начинаю.

Мы подошли к проломанной стене кладовки, и я, приподняв полы плаща, протиснулась обратно в домик.

Все здесь оставалось, как и полчаса назад. Константин лежал на полу; старательно отводя глаза, я прошла в первую комнату и кивнула Виктору, сидевшему на диване и листавшему старый номер «СПИД-Инфо».

– Позвонили в милицию и Фиме Резовскому. Посмотрим, кто прискачет быстрее.

Виктор только поднял на меня глаза, ничем не выдав своего отношения к услышанному. Ромка, ссутулившись, покрутился около стола и тоже взял газету в руки.

– Даже читать не получается! – пожаловался он, – а можно я выйду на улицу?

– Ну да, все уйдите, а меня оставьте здесь, – возмутилась я. – Кто у нас здесь мужчина: ты или я?

Ромка открыл рот, моргнул в растерянности и тихо сказал:

– Виктор.

– Ну и ты становись им. Пора уже, – жестко призвала я.

В это время с улицы слышались голоса, потом стук в дверь, и сразу же входную дверь снаружи открыли.

– Есть здесь кто-нибудь? – услышала я низкий мужской голос, и в комнату протиснулся толстый сержант среднего роста.

– Здравствуйте, – я сделала шаг ему навстречу, – это я вам звонила.

– Ну и что? – сержант хмуро, без всякого любопытства осмотрел меня и моих спутников. – Ну и где ваш жмурик? – спросил он. – Этот, что ли? – он ткнул пальцем в Ромку. – Или тот? Все вроде трезвые...

Сержант обернулся назад и крикнул:

– Иди сюда, Колян, здесь что-то не то!

Снова повернувшись ко мне, уже более приветливо он спросил:

– Значит, это вы, девушка, вызывали наряд, утверждая, что здесь произошло убийство?

– В соседней комнате, – кивнула я, показывая на полужакрытую дверь.

В домик вошел второй сержант и, козырнув, тихо спросил у первого:

– Вроде нормальные люди, – и, обращаясь уже ко мне, пояснил: – Из этого кишлака частенько звонят хулиганы или бомжики какие-то...

Толстый его напарник в это время заглянул во вторую комнату и присвистнул:

– Ну дела, а кажись, точно ласты склеил парнишка! Огнестрельное ранение в область груди, не совместимое с жизнью! – Он вынул из кармана куртки рацию: – Тридцать первый вызывает ноль пятого...

Второй сержант, тоже посмотрев на Константина, пока первый докладывал по рации обстановку, подошел к столу и положил на него планшет.

– Бытовуха, что ли? – буднично спросил он, заинтересованно оглядывая меня и Виктора. – Тот муж, этот любовник, а вы жена, но совершенно ни при чем? Все ясно. Такая херня примерно раз в неделю творится. Осторожнее нужно быть, девушка...

Снова посмотрев на Виктора, перелистывающего «СПИД-Инфо», сержант, видимо, обиженный на его невозмутимость, вспылал:

– Раньше листать надо было, гражданин, а теперь что толку?! Довел бабу до греха и себя до крытки, и нечего умного строить! Спиноза, блин, нобелевская!

– Вы не поняли, товарищ сержант, что здесь произошло, – вмешалась я, – мы журналисты!

Я расстегнула сумку и достала свое удостоверение, но его взял не второй сержант, а толстый, уже наговорившийся по рации.

– Как же вы сюда попали? – он недоуменно вертел в руках мои документы, потом перевел взгляд на Ромку.

– А этот парнишка тоже журналист?

– Это курьер нашей редакции, – ответила я, – а Виктор фотограф.

– Ничего себе дела! – воскликнул сержант. – Вы, значит, пишете статью, этот парень фотографирует, а вот этот малолетка уносит? Так, что ли, получается? Немедленно сдайте все фотоаппараты и блокноты! Немедленно!

– Зачем? – удивилась я. – Вот приедут оперативники, с ними и поговорим.

– Ничего руками не трогать, не ходить, не следить, не переговариваться! – сержанта словно прорвало. Он даже покраснел то ли от натуги, то ли от волнения.

– Понятно, – пробормотала я, пройдя за стол и сев на свое прежнее место.

Один сержант ушел на улицу встречать своих вызванных коллег, второй остался с нами и, оглядевшись, тоже взял в руки один из номеров «СПИД-Инфо».

Я расстегнула сумку и вынула из диктофона кассету, потом вставила в нее другую, чистую.

– Что это у вас там шелкает? – насторожился сержант, слегка отклоняясь назад и опасно поглядывая на Виктора.

– Настроила диктофон, – ответила я, достала его и положила на стол перед собой. – Придется же давать показания.

– А-а-а, – протянул сержант, – ну это не ко мне.

В это время в прихожей слышались голоса и топот; в комнату зашли сразу несколько человек. Первым был наш толстый сержант. За ним появились трое мужчин, одетых не в форму, а в обычные куртки и пальто.

– Капитан Зеленцов, – представился старший из них и показал мне удостоверение. – Ну где тут ваш подарок?

– Здесь, здесь, – услужливо проговорил сержант, показывая рукой на комнату.

Капитан заглянул туда и подозвал своих товарищей.

– Осмотрите все здесь внимательно, – тихо сказал он, подошел к столу, придвинул стул, сел и, улыбаясь, посмотрел на нас.

– Давайте знакомиться, какие у вас есть документы, показывайте, не стесняйтесь. Потом поговорим.

Ритуал знакомства затянулся на полчаса. Капитан Зеленцов все спрашивал, уточнял, качал головой, два раза сказал, как ему нравится наша газета, три раза подчеркнул, как ему нравлюсь я. Ничего почему-то не сказал ни про Ромку, ни про Виктора – на них его обаяние распространяться не желало.

– Как я понял, хозяин этого дома пригласил вас для разговора, а о чем он хотел вам сказать, вы не успели понять? Правильно?

– Абсолютно, – ответила я. – К сожалению, получается, что мы зря проехали.

– Зря проехали, – задумчиво протянул капитан, поглядывая на вновь прибывших сотрудников и махая им рукой: – Привет, привет, все в ту комнату.

Повернувшись ко мне, капитан продолжил допрос:

– Непонятно как-то получается, Ольга Юрьевна, непонятно – и все тут. Вот смотрите: вы трое сидите здесь, вдруг слышите, как что-то упало за дверь. Почему же вы сразу не заинтересовались, что там происходит?

– Хороший вопрос, – усмехнулась я. – Ну вот представьте себе такую ситуацию: я к вам впервые пришла в гости или по делу, вы выходите из комнаты на минутку, я слышу, что у вас там что-то падает. Что я думаю?

– Что я неуклюжий, – этим ответом капитан заслужил мою похвалу.

– Абсолютно верно! – я вынула из сумки пачку сигарет, капитан тут же достал зажигалку.

– Давайте вернемся к тому человеку, который вас толкнул, – предложил капитан. – Как он выглядел?

Я уже открыла рот, чтобы начать отвечать, но тут слышались громкие голоса из второй комнаты дома, словно там что-то случилось.

– В чем дело? – капитан встал и подошел к двери.

Оттуда донесся говор нескольких голосов, но все их покрывал раздраженный Фимин голос:

– Уберите ваши руки, будьте любезны!.. Я не позволю так обращаться с собою! А ну, где тут ваш самый главный начальник?.. У меня-то документы в порядке и с биографией все нормально! Я член тарасовской коллегии адвокатов и иду на встречу к своему клиенту!.. Конституцию нужно читать! Документ такой есть, и в нем раздел о правах человека! А раздела об узаконенных нарушениях прав человека нету! Нет, понимаете?!

Распахнулась дверь, и в комнату, где я сидела, не вошел, а как-то ввалился Фима, раскрасневшийся и растрепанный. В руке он держал портфель, в другой – свое удостоверение, размахивал всеми этими предметами, как оружием, и вид имел весьма даже боевой.

Я замужем никогда не была, но кое-что о мужчинах знаю. Приходилось замечать, что если их оторвать от ужина, то после этого настроение у них становится достаточно склочным, если не сказать мерзючим, однако своего мягкого и пушистого Фиму я еще никогда не видела в таком состоянии, как сейчас.

Вбежав в комнату, он остановился посреди нее и, оглядев окрестности бешеным взглядом, увидел меня. Казалось, что сейчас он меня ударит или нахамит как-то ужасно, но оказалось, что я еще плохо знаю Фиму.

Фима всплеснул руками и возопил:

– Боже мой! Боже мой, Ольга Юрьевна! Что они тут с вами творят?!.. Уберите руки, я вам сказал! – эта реплика была излишней, потому что Фиму никто уже не трогал, и проорал он ее исключительно по инерции или, возможно, потому, что счел ее удачным рефреном. Капитан Зеленцов, озадаченный явлением адвоката через пролом в кладовке, – я сама подсказала Фиме этот проход, зная, что другую дорогу объяснять Фиме бесполезно, он все равно заблудится, – застыл словно в ступоре. Прочие оперативники, видя, что начальство не реагирует, тоже ничего не предпринимали.

Фима, получив такую благодарную аудиторию, ни словом ни жестом не прервавшую его выступление, решил выжать из ситуации все, что можно. Отнятая картошка по-французски требовала отмщения.

– Так, Ольга Юрьевна! – резко произнес Фима. – В таком ужасном помещении какие-то допросы, психологическое давление, нарушение прав человека при проведении допросов без адвоката! Мало им дела НТВ, они захотели еще дела газеты «Свидетель» и ее главного редактора! Они его получают! Конгресс США как раз выступил с обращением по поводу нарушения прав прессы... – Фима остановился, чтобы перевести дух, но тут вмешался капитан Зеленцов и испортил Фиме весь финал.

– Это ваш адвокат? – спросил он у меня.

Я кивнула, а Фима напрягся, готовясь ринуться в бой, но капитан с милой улыбкой попенял мне:

– Почему же вы меня не предупредили, что вызвали своего адвоката? Ах, Ольга Юрьевна, Ольга Юрьевна, я бы и не начинал разговора с вами, – и, поворачиваясь к Фиме, капитан сердечно произнес:

– Как хорошо, что вы приехали вовремя, мы буквально только что начали.

– Да? – не в силах скрыть огорчения, произнес Фима и, внимательно осмотрев капитана Зеленцова, протянул ему свое удостоверение. – Ознакомьтесь, пожалуйста.

Зеленцов только быстро взглянул в корочки, снова улыбнулся и предложил Фиме сесть рядом со мною.

– Если вы не возражаете, господин адвокат, мы бы продолжили, – сказал капитан.

– Не возражаю, – буркнул Фима и, наклонившись ко мне, прошептал:

– А почему ты не отказалась разговаривать до моего приезда? Я спешил, между прочим.

– Извини, – я пожала Фиме руку, – я так рада тебя видеть!

– Ври больше! – Фима вздохнул и расстегнул плащ, устраиваясь удобнее.

– Итак, Ольга Юрьевна, – капитан снова сел на свой стул, – мы остановились на том, что вы начали описывать уехавшего на машине человека. Какая, кстати, была машина, не помните?

– «Волга», – быстро ответила я, – серого цвета, кажется, старая, двадцать четвертая.

Виктор кашлянул, мы все посмотрели на него.

– Тридцать первая и грязная! – быстро произнес Ромка, стоящий около буфета.

Виктор кивнул и сказал:

– Номер «832 РУ», разбитый задний левый фонарь.

– Очень хорошо, – сказал капитан, записывая. – Скорее всего, она уже где-то брошена, но проверить нужно.

Глава 4

Взаимовежливые беседы с капитаном Зеленцовым продолжались еще пару часов, не меньше. За это время увезли упакованного в черный блестящий мешок Константина, сняли отпечатки пальцев у всех присутствующих, в том числе и у Фимы.

Как только он распахнул рот, чтобы снова начать разводить свои громоподобные юридические претензии по этому поводу, его быстро привели в чувство, напомнив, как он залезал в дом через кладовку.

– Если предположить, что преступник совершил какую-нибудь ошибку и оставил свои отпечатки, то нужно знать, какие отпечатки не учитывать при проверке всего собранного материала, – пояснил Зеленцов с такой милой улыбкой, что ругаться с ним как-то не хотелось.

Фима, сморщившись, пощелкал пальцами, посмотрел на столешницу, потом на потолок и, признав правоту капитана, все-таки предложил зафиксировать письменно последовательность событий и причину снятия отпечатков.

– Через этот пролом, проем, отверстие, дырку – не знаю, как правильно ее назвать, проходили все здесь присутствующие, – обтекаемо заметил он, – и это произошло уже после совершения убийства. Обращаю ваше внимание на этот момент, господин капитан!

– А это известно из показаний все тех же присутствующих, и нет ни одного свидетельства со стороны, – все так же мило улыбаясь, проговорил капитан; и вот тут-то Фима взвился, словно только ждал этой реплики.

– Какие у вас есть основания для подозрений? – закричал он, снова размахивая руками и выпячивая грудь. – Вы позволяете себе непростительные и опасные намеки! Я вам не угрожаю ни в коем случае, но смотрите сами! Оцените последствия!

– Я ни на что не намекаю, господин адвокат, – возразил Зеленцов. Казалось, он нарочно начал провоцировать Фиму, таким образом отыгрываясь на нем за его выступления.

– Я рассматриваю все возможные варианты. – Капитан многозначительно загибал пальцы. – Видите, сколько их будет? А вы мне должны быть благодарны за то, что я вам подсказываю возможные варианты движения следствия.

– Спасибо, учту. Надеюсь, меня вы не подозреваете? – хмуро поинтересовался Фима. Капитан в ответ загадочно улыбнулся.

– Ага! Я все понял! – сказал Фима и, презрительно оттопырив губу, произнес: – Но у вас этот фокус не пройдет по определению.

– Можно узнать почему? – спросил капитан. – Я не собираюсь лично вас ни в чем подозревать, но мне интересно было бы узнать, откуда у вас такая уверенность?

– От знания законодательства, дорогой мой, – ядовитым тоном сказал Фима. – Я адвокат Ольги Юрьевны, а адвоката не имеют права допрашивать по делу, в котором он представляет клиента. Вот так-то! Можно считать, что вас избавили от одного подозреваемого и тем облегчили вам работу. Можете сказать мне спасибо.

Капитан «спасибо» не сказал, только кивнул, и разговор продолжался уже в более мирном варианте.

Только около одиннадцати вечера закончилась наша содержательная встреча в домике Константина; позевывая и потягиваясь, мы все вышли на улицу и начали усаживаться в машину.

– Не нравится мне вся эта история, не нравится, – обрадовал меня Фима такой неожиданной мыслью. Можно подумать, что я была от нее в восторге.

– Где твоя машина? – спросила я у него, перебивая тему.

– Понятия не имею. Где-то по ту сторону, – Фима махнул рукой на домик. – Наверное, нужно будет снова пролезть через эту дырку...

– Брось, мы тебя подвезем, – сказала я, – мой транспорт, в отличие от твоего, всегда под руками. Садись.

Фима не стал сопротивляться и сел на заднее сиденье рядом со мною. Виктор медленно начал выводить машину задним ходом.

– Тут получается палка о двух концах, – задумчиво проговорил Фима, незаметно укладывая свою руку мне на колено, стараясь, как всегда, увязать служебные отношения с личными. Если бы он этого не сделал, я бы, наверное, удивилась и забеспокоилась о его здоровье.

Видя мое равнодушие к своим маневрам, Фима с воодушевлением продолжал:

– С одной стороны, вы все, ребята, под подозрением, с другой же... Если отвести подозрение о предварительном сговоре, то каждый из вас обеспечивает алиби другого... Опять же у вас отсутствует мотив и не найдено оружие, из которого стреляли. Пока даже, как я понял, сами менты точно не знают, что это было. Ну да за пару дней эксперты-баллистики все им разложат по полочкам. Вас ведь пригласили на завтра в РОВД?

– Ты же сам слышал, – сказала я.

– Ну вот, готовьтесь к сдаче теста на пороховые газы и частицы, – Фима изобразил равнодушную задумчивость и принялся ждать наводящих вопросов.

Удовольствие пришло не от меня, а от Ромки.

– Это как: тест на газы? – спросил Ромка, поворачиваясь и с любопытством глядя на Фиму. – Дышать, что ли, в трубочку... или что?

– В трубочку будешь дышать, когда в вытрезвитель попадешь, – хмуро объяснил Фима, – или за руль пьяным сядешь. А «или что» начнется... ну, в общем, я тебе потом объясню. Тест же, про который я говорю, в простонародье называется «смыв». Суть его в следующем, – Фима начал делать своей рукой на моем бедре движения, имитирующие набор текста на клавиатуре компьютера. Пришлось жестом указать ему на недопустимость таких тренировок в общественном месте на глазах у подчиненных. Быстро убрав руку, Фима шмыгнул носом и занялся своим любимым делом: разглагольствованиями перед профанами.

– В момент выстрела пороховые газы разлетаются в разные стороны, в том числе и на того, кто держит оружие в руках. Мельчайшие частицы пороха оседают на руках, лице, открытых участках кожи и одежде. С кожи не сходит все это примерно двое суток, как ни оттирай. С одежды можно состирать быстрее. Ну вот с вашей кожи и будут соскребать пороховые частицы, если они там есть. Я исчерпывающе ответил на ваш вопрос, юноша? – Театрально откинувшись на спинку сиденья, Фима улыбнулся от удовольствия по поводу собственного красноречия.

– А как это «соскребать»? – спросил Ромка, не успокоившийся и захотевший подробностей. – Чем соскребать?

Я тоже заинтересовалась ответом Фимы, хотя и виду не подала. По своему опыту я знала, что, чем больше аудитория, тем дольше длится объяснение.

– Ну, молодой человек, – приосанился Фима и бросил быстрый взгляд на меня. Заметив, что я вроде не интересуюсь, он стал сбавлять пафос своей речи и снова осторожно покусился на мое бедро. – В идеале, юноша, это делается растопленным парафином. «Смыв» называется еще парафиновым тестом. Парафин прикладывается к телу и застывает, а потом изучается все, что он в себя вобрал.

– Ни фиги себе эпиляция! – пробормотал обеспокоенный Ромка. – А это очень больно?

– Это зависит от того, на какой высоте у тебя расположен болевой порог, – ласково объяснила я, хлопая Ромку по руке. – Если низко, то перешагнешь легко.

– А если высоко, так ты на нем и останешься, это называется болевой шок, – с серьезной рожей посулил Фима и тут же успокоил: – Ну ты не бойся, там за такими делами всегда врач следит.

– Я и не боюсь, еще чего, – тихо сказал Ромка и отвернулся.

Виктор выехал на дорогу, и вдали завиднелась ядовито-зеленая Фимины «Ауди».

– Так, я вижу, мне пора, – нараспев сказал Фима. – Диктую диспозицию. К вам, мадемузель, я приезжаю завтра в редакцию с утра. Не с раннего утра, а с приличного. К девяти не обещаю, но не позже десяти буду точно. Вы мне подпишете бумажку, на основании которой я формально становлюсь вашим адвокатом. Если вас побеспокоят господа из органов до моего приезда, звоните, кричите, требуйте и отказывайтесь. Без адвоката ни шагу и ни слова. Вы все поняли?

– Ты будешь адвокатом всех троих? – спросила я. – И Виктора и Ромки?

– Да, Ефим Григорьевич! – Ромка снова повернулся и с надеждой посмотрел на Фиму. – Вы меня устраиваете! – значительно произнес он, но не достиг поставленной цели.

– Весьма приятно слышать, но не получится, юноша, не получится, – покачал головой Фима. – Это же одно дело. Поэтому один адвокат у вас быть не может. Но я решу эту проблему. Короче, до завтра!

Виктор остановил «Ладу», Фима вышел из нее и, наклонившись, строго взглянул на меня:

– Постарайся, Оля, сейчас поехать домой и ни во что больше не вляпываться. Одного этого дела тебе может хватить надолго. Убийство – штука серьезная, а при таком количестве свидетелей глухарем оно вряд ли станет. Поэтому вас будут дергать долго, нудно и качественно.

Я молча кивнула, чтобы не провоцировать Фиму на продолжение речи, он хмыкнул и, захлопнув дверцу машины, пошел к своей «Ауди».

Виктор поехал по дороге в мой район. Я закурила и задумчиво произнесла, словно подумала вслух, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Ну что ж, а не навестить ли нам сейчас некоего Юрия?

Виктор бросил на меня быстрый взгляд через зеркало заднего вида и, ничего не ответив, повернул направо. Я поняла, что он согласился.

Ромка задергался на своем сиденье и, тяжело вздохнув, спросил у меня:

– Ольга Юрьевна, извините, пожалуйста, а вы не подскажете, эпиляция – это очень больно?

– Ты про парафин, что ли, волнуешься? – усмехнулась я. – В том месте, где действительно не очень приятно, тебя тестировать не будут, не волнуйся.

– Ну а все-таки? – робко настоял Ромка.

– Отстань, а? – попросила я. – Ну как я могу тебе объяснить ощущение? Все сам узнаешь в свое время. Подожди немного!.. К тому же, можешь мне поверить, даже в твоём возрасте осталось не так много новых ощущений, поэтому нужно ценить предоставленные возможности, даже если это парафиновый тест.

Не удовлетворенный моим ответом Ромка замолчал и отвернулся к окошку, начиная заранее переживать завтрашние неприятные процедуры. Я же думала о другом. Теперь меня мучали сомнения, правильно ли я поступила, что не сказала оперативникам о своем разговоре с Константином? Правильно ли, что больше поверила ему...

Я думала, курила и ответа не находила, а мы тем временем подъезжали к району стекольного завода, к работе Юрия, товарища Константина. Теперь уже, когда вся эта история оказалась серьезнее, чем я сперва думала, и времени было упущено слишком много, нужно было спешить. Вот мы и спешили.

Район новостроек, о котором говорил Константин, располагался на бывшем пустыре, иначе и не объяснишь, как же так могло получиться, что нужный нам дом – или, наверное, правильное было бы сказать, домина – стоял как бы сам по себе с четкой границей со всех сторон. Границей этой являлись широкие участки незастроенной земли. И не только незастроенной, но даже и незасеянной. Даже сухих кустарников не росло вокруг этого строения, а до ближайших домов было не меньше двадцати метров.

Огромная девятиэтажка из белого кирпича, извиваясь, стояла огромной несуразной спиралью. Для удобства будущих жильцов в нескольких местах ее прорезали арки, в ближайшую из них мы и въехали.

Пустой двор внутри освещал прожектор, установленный на крыше. Виктор остановил машину, и я вышла, шуря на этот прожектор, ожидая, что сейчас меня окликнут из полумрака и спросят, какого черта мы сюда приехали на ночь глядя. Однако пока все было тихо.

– Как ты думаешь, Виктор, сторож должен слышать, что подъехала машина? – спросила я, недоуменно осматриваясь по сторонам.

Вместо Виктора мне ответил Ромка:

– Конечно, должен, – и шмыгнул носом. – Если, конечно, не дрыхнет у себя в биндуге.

Получив такое веское подтверждение своим мыслям, я пошла к ближайшему подъезду, разумеется, не зная, где мне искать столь небдительного сторожа. Но не успела я сделать и трех шагов, как Виктор остановил меня. Оглянувшись на него, я обратила внимание на Ромку: Ромка неплохо начал справляться при Викторе с ролью переводчика.

– А вон видите, Ольга Юрьевна, – громко возвестил Ромка, показывая пальцем. – Виктор говорит, что справа одно окошко освещено.

Я посмотрела туда. Пришлось даже отступить чуть в сторону, и теперь, отойдя от прямого света прожектора, я и сама увидела, что на втором этаже над ближайшим к нам подъездом неярко, как от одной небольшой лампочки, светится окно.

– Значит, там кто-то есть! – торжественно заявил Ромка и покосился на Виктора. Виктор кивнул, соглашаясь, что перевод сделан верно.

– Логично, – сказала я и, для уверенности засунув руки в карманы плаща, направилась к нужному подъезду. Получалось, что если гора не идет к Магомету, то придется Ольге Юрьевне самой искать сторожа.

Ромка догнал меня и пошел рядом, Виктор – чуть сзади.

Подъездная дверь была украшена или испорчена – это уж на любителя – криво прибитым листом фанеры, испачканным мазутом или битумом. Я в этом не разбираюсь, но правильно поняла угрожающий характер черной массы. Подхватив полы плаща, чтобы случайно не замазаться, я протянула руку и очень осторожно дернула за ручку двери: она поддавалась неожиданно легко.

За нею была темнота.

Я осторожно взглянулась в черный мрак, и заходить мне не захотелось. Наверное, Виктор понял мои сомнения, потому что легко оттеснил меня в сторону.

– Ты что толкаешься, – неуверенно прошептала я, делая вид, что уступаю насилию, но охотно отошла и пропустила Виктора вперед, поругивая себя за слабование. Но в конце-то концов! Я пришла сюда в сопровождении, как минимум, полутора мужиков и должна первой лезть в каждую негостеприимную дыру? А зачем тогда они нужны?

Виктор вошел в подъезд и чиркнул спичкой. Пламя на секунду осветило помещение, и стало ясно, что в нем никто не прячется. Подъезд как подъезд. После того как было выяснено, что впереди препятствий нет, я, гордо остановив движением руки Ромку, тоже вошла туда.

Лестница не была такой темной, как площадка перед ней внизу. Свет шел и из окна на лестничной клетке, и сверху из комнаты сторожей.

Виктор неслышной походкой поднялся до площадки второго этажа, и тут, не желая отставать, я его догнала.

Мы вышли к коридору, где в будущем будут находиться три квартиры, дверь первой правой квартиры была полуоткрыта, и оттуда выбивался неяркий свет.

Оглянувшись, Виктор жестом приказал мне остановиться. Я и не думала спорить. Не знаю, как для кого другого, а для меня Виктор в подобных делах, где возможен риск, авторитет непререкаемый, и я охотно в этом признаюсь.

Я остановилась, но не успела отойти в сторонку, и сзади мне в спину головой ткнулся Ромка, обуреваемый внезапным зудом активности и жадой подвигов. Я повернулась к нему и еле успела рукой прикрыть ему рот, уже распахнувшийся для вопроса.

Ромка понял, что нужно молчать, и немедленно озвучил это:

– Понял, Ольга Юрьевна, – громко прошипел он, – мы подберемся секретно!

Я ему чуть по лбу не заехала кулаком. Рук своих стало жалко, а то бы он точно схлопотал.

Увидев мою негодующую реакцию, Ромка теперь уже сам зажал себе рот руками и быстро-быстро закивал, показывая, что теперь-то он все понял на все сто процентов, а до этого был не совсем прав.

Виктор тем временем, подойдя вплотную к двери, осторожно заглянул за нее и резким движением распахнул, отпрыгнул в сторону, чтобы не оставаться напротив дверного проема.

Я внутренне сжалась, ожидая или выстрелов, или, по крайней мере, крепкого матерного мужского крика, но ничего подобного не произошло.

Виктор вошел в комнату, и я поспешила туда же, чтобы не отставать от товарища. Не всегда же ему все первым видеть, мне тоже интересно.

Помещение сторожей представляло собою обычную однокомнатную квартиру, только не то чтобы без ремонта, а вообще недоделанную. Везде был бетон или цемент, я не разбираюсь в стройматериалах, но это на самом деле было везде: на стенах, на потолке, на полу. Посередине комнаты стоял грубый деревянный стол с двумя скамейками, изящно прикрытыми запятнанными жиром газетами. На столе стояла пустая трехлитровая банка и лежал непрозрачный полиэтиленовый пакет, что-то прикрывая. Над потолком, извиваясь на кривом белом проводе, висела лампочка в черном патроне. Это был единственный источник здешнего освещения.

Слева от стола, прижавшись к стене, стояло сооружение, которое иначе как лежбищем не назовешь. Это была тоже лавка, но только более широкая и накрытая рваным матрасом. Одна телогрейка, модели «фуфайка», лежала свернутой на краю лежбища: очевидно, она была призвана изображать подушку; другая – просто валялась на полу. Наверное, это надо было понимать как сброшенное второпях одеяло.

Больше никого и ничего здесь не было.

Виктор, аккуратно отодвинув меня от прохода, прошел в темную комнату, в будущую кухню. Поискав на стене выключатель и, конечно же, не найдя его, Виктор снова чиркнул спичкой.

И кухня была пуста. Она была пустой абсолютно, в ней даже лавки не было.

– А где же сторож? – разочарованно протянул Ромка, снова выглянувший у меня из-за плеча.

– Вопрос, конечно, интересный, наверное, пошел сторожить, – ответила я и вернулась в комнату. В кухне делать было нечего. Это уж точно.

Виктор шел за мною следом, за ним протопал и Ромка.

Я подошла к столу и, с подозрением осмотрев одну из газет, покрывавших лавку, рискнула и села на краешек.

– Ну что, господа, будем ждать? – задала я риторический вопрос. – Или будут какие-нибудь иные предложения?

Виктор пожал плечами и подошел к окну.

Ромка сел напротив меня спиной к неопрятному лежбищу и осторожно заглянул под полиэтиленовый пакет, лежащий на столе перед ним.

– Карты игральные, – разочарованно сказал он, словно ожидал увидеть здесь невесть что и, приглядевшись к находке, тут же азартно добавил:

– С картинками.

– Они все с картинками, – равнодушно ответила я, но все-таки бросила взгляд на открывшуюся колоду карт. – Теперь они находились у Ромки в руке. Картинки на рубашках карт были

как раз те, которые очень интересны молодому человеку, страдающему юношеской гиперсексуальностью, – девочки в разных позах и одетые только в туфельки.

Ромка, увидев, что я тоже смотрю на его находку, покраснел и очень бережно положил карты на место, снова прикрыв их полиэтиленом.

– Глупости все это, – с неискренним тяжелым вздохом сказал он и, вздохнув совсем уж огорченно, добавил: – Ерунда.

– Конечно, ерунда, – согласилась я и взглянула на стену у него за спиной. Потом взгляд мой опустился на лежбище, с которого сбежал нужный нам непоседливый сторож, а потом я посмотрела еще ниже на пол. Мне показалось, что я вижу нечто интересное, и пришлось привстать, чтобы разглядеть получше...

Мгновенно соскочив со своей лавки, я отпрыгнула в сторону.

Ничего не понявший Ромка тоже вскочил и ошарашенно посмотрел на меня.

– Вы что, Ольга Юрьевна, вы что? Я карты положил на место и больше не смотрю! – забормотал он, отступая к окну, словно под защиту Виктора. Виктор, тоже пока не понимая, что я делаю, повернулся ко мне и нахмурился.

Не обращая внимания ни на нашего озабоченного подростка, ни на невнимательного Виктора, я махнула Ромке рукой, чтобы он отошел еще подальше. – Из-под лежбища высывалась кисть руки лежащего на полу человека.

Виктор, стоящий у окна, проследил за моим взглядом и, подскочив, рывком приподнял доску с матрасом.

На бетонном полу на животе лежал мужчина, одетый в потертый джинсовый костюм. Мой взгляд почему-то задержался на его полысевшем затылке, и я никак не могла отвести от него глаз.

Мужчина не шевелился.

– Вот так, – тихо сказала я самой себе, – а ведь получается, что мы опять опоздали.

– Ага, – шепотом подтвердил мои слова Ромка.

В этот момент необычайно громко, как мне показалось, в полной тишине с улицы послышался звук выстрела. В стене прямо напротив меня перед глазами щелкнуло, и появилось отверстие – из него вырвался фонтанчик пыли.

Будучи девушкой опытной, я упала на пол, прикрывая голову сумочкой. Чем занялся Ромка, не знаю, а Виктор, как всегда, принял единственно верное решение: он коротким взмахом руки разбил тусклую лампочку, висевшую над столом.

Лампочка разбилась с негромким хлопком, и нас накрыла темнота.

Осколки лампочки брызнули по стене, а, может быть, это был еще один выстрел, не знаю, не уверена, но главное, стало совсем темно. Теперь мы были в безопасности. В относительной.

– Виктор! – зачем-то шепотом позвала я нашего спасителя. – Ты здесь?

Я твердо решила не шевелиться, пока мне не ответят, хотя на полу было и жестко, и холодно.

Виктор мне не ответил, но чья-то рука дотронулась до моего плеча.

– Так, все, тихо! – резко сказала я и вскочила на ноги, ударившись при этом о лавку. – Блин! Быстро признавайтесь, негодяи, кто до меня дотронулся, ну?

– Я, – ответил из темноты Виктор.

– И я тоже, – сказал Ромка.

– Тебя я не почувствовала, малыш, но это уже неважно, – сказала я, – не пора ли нам отсюда отчаливать? Мне здесь стало неудобно.

Протянув руки вперед, я нащупала Ромкину спину. Он почему-то стоял, склонившись над столом. Впрочем, зачем ему это было нужно, я поняла почти сразу.

– Сейчас, сейчас я, Ольга Юрьевна, – прошептал Ромка и, отойдя от стола, медленно пошел нащупывать выход, постоянно ойкая и ругаясь.

– Ой, а здесь тоже стена, – услышала я его голос слева от себя.

– А здесь ее нет, – пробормотала я, правильно сориентировавшись и нащупывая входную дверь.

Постепенно наши глаза привыкли к темноте, и мы выбрались на лестничную клетку.

– Спешить не будем! – скомандовала я, почему-то запыхавшись, и остановилась. Ромка, затормозив позади, спросил громким шепотом:

– А его чем? Тоже из пистолета, да?

– По-моему, ножом, кровь, кажется, была видна, – ответила я, на самом деле не заметив никакой крови. Мне просто не хотелось признаваться, что я настолько растерялась при виде покойника, что даже ничего толком и разглядеть не сумела.

Виктор, молча спускавшийся по лестнице впереди, остановился перед подъездной дверью и обернулся.

Мне показалось, что я поняла его невысказанный вопрос.

– Он же был с другой стороны, – естественно напомнила я Виктору про стрелявшего в нас человека.

– Один? – тихо спросил Виктор, и мне сразу стало еще страшнее.

Как только я подумала, что убийц может быть несколько и они, возможно, прячутся в темноте со всех сторон, мне расхотелось выходить на улицу. Я даже подумала, что вполне можно было бы спокойно пересидеть здесь где-нибудь, только подальше от трупа, и дожждаться рассвета.

У меня, однако, хватило и ума, и решительности не высказать этого вслух.

Виктор осторожно толкнул дверь, и она с душераздирающим скрипом отворилась.

Когда мы заходили сюда, скрипа я почему-то не слышала: не обратила внимания, наверное.

Виктор жестом приказал мне остановиться, а сам вышел во двор, очень осторожно подкрался к машине и открыл дверцу.

Ничего не произошло.

Он сел за руль, завел мотор и подогнал «Ладу» ближе к подъезду. Стараясь идти спокойно, я вышла, и тут снова раздался выстрел.

Не знаю, кто и в кого стрелял, даже не знаю, из чего, но я сразу же заскочила обратно в подъезд.

– Откуда стреляли? – шепотом спросил меня Ромка, ненужно прикрывая меня от двери своим собственным телом.

– Не заметила, – ответила я, но тут же заметила кое-что другое: мне показалось, что откуда-то в воздухе потянуло гарью.

Виктор не бросил машину и, словно на него не произвел никакого впечатления новый знак внимания со стороны убийцы, отведя «Ладу» чуть в сторону, подъехал опять, на этот раз уже вплотную к подъезду.

– Пробуем еще разок, – сказала я себе для храбрости, желая, чтобы Ромка думал, что это я его подгоняю, а не себя, любимую.

– Горит что-то, Ольга Юрьевна, вам не кажется? – спросил в этот момент Ромка.

Любой предлог, могущий задержать мое отважное бегство из этого опасного места, для меня был как нож, серп, дубина... Одним словом, очень даже некстати.

– Кажется, – злобно процедила я сквозь зубы, – а ты собираешься тушить? Я – нет.

– Я вообще-то тоже. Я просто так сказал, – засуетился Ромка, понявший, что сказал что-то не то и в неудачное время.

– Ну значит, и прекрасно, – прошептала я и, так как меня больше ничего не удерживало даже формально, решилась наконец отважиться.

Пригибаясь достаточно низко, но не позорно, я проскочила в машину и быстро забралась на заднее сиденье. Следом за мной туда же впрыгнул и Ромка. Мы даже почти не помешали друг другу, так только пару раз столкнулись, но это не в счет.

Виктор выжал газ, и моя «ладушка», подпрыгнув от неожиданности, рванула вперед, и мы понеслись к арке, через которую въехали в этот негостеприимный двор.

– Е-мое! А там пожар, Ольга Юрьевна! – крикнул мне чуть ли не в самое ухо Ромка. – Смотрите! Смотрите!

Я повернулась настолько резко, что что-то хрустнуло в шее, и увидела, что из окна на втором этаже, наверное, из того самого, которое было освещено до нашего прихода, вырываются клубы дыма

– Что же там могло загореться? – вслух подумала я.

– Может, от лампочки искра? – предположил Ромка.

Мы въехали в арку и почти сразу же миновали ее, и Виктор, повернув машину влево, погнал ее к проспекту.

– Не могло от лампочки так быстро загореться, так только в кино бывает, – сказала я, ощупывая карманы в поисках сигарет и тоже размышляя о причине пожара.

– Но горит же! – не унимался Ромка, словно надеясь, что я сразу найду ответ на его настырный вопрос. Ну точно получается, что у него еще детство из носа не высморкалось, поэтому и словечко «взрослый» до сих пор в почете и в употреблении.

– Значит, кто-то поджег, – сказала я. – Чтобы так быстро разгорелось, нужно было принять меры. Например, бензином побрызгать или еще что-то сделать... Сам же видел, что там не склад ГСМ, а обычная каптерка.

– То есть вы хотите сказать, что в этом подъезде еще кто-то был? – Ромка замолк, потрясенный своим открытием. Мне оно тоже не понравилось. Успокаивало лишь то, что, кто бы ни находился еще в подъезде, мы-то все были тут, в машине, и уже отъехали на приличное расстояние.

– Сколько же их там? – пробормотала я больше для себя самой, чем для присутствующих.

– Много, значит, – непрошено ответил Ромка.

– Виктор, включи свет в салоне! – потребовала я, – мы уже отъехали достаточно далеко. Виктор послушался и после еще одного поворота направо мы подкатили к посту ГИБДД.

Глава 5

Ну не входило в мои вечерние планы повторное общение с милицией, не входило, можете мне поверить, но так получилось.

После того как я изложила дело скучающему подозрительному гаишнику, или, как их называют сейчас, – гибэдэдуну, он сразу же связался по рации с отделением и вызвал ОМОН и пожарных.

Ночной штурм длинного дома не мог не представлять интереса для меня. Тем более, рассуждая логически и ставя себя на место преступника, я посчитала весьма маловероятным, что он так и будет находиться на месте своего очередного преступления.

К тому же меня не могла уже не интересовать личность убийцы, неизвестно за каким чертом решившего еще и пристрелить нас за компанию с Константином и Юрием. Ну а то, что это действует один и тот же человек, я уже не сомневалась.

Сидя на жестком стуле в фонаре ГИБДД и зная, что здесь-то мне теперь ничего не угрожает, я могла рассуждать спокойно и комфортно.

После того как дежурный гибэдэдун позвонил и получил подтверждение от своего руководства, он приказал нам сесть вдоль стены и ждать дальнейших указаний.

Не скажу, что у меня зачесалось в каком-то месте, но то, что фотоаппарат почти явственно зашевелился в сумке, я почувствовала почти точно. Однако от мысли сделать классные кадры штурма здания и тушения пожара в нем пришлось отказаться: было уже слишком темно. В который раз я пожалела, что не взяла с собой видеокамеру!..

От нечего делать я вынула из сумки блокнот и начала записывать в него, как я говорила, «счастливые мысли». Статья в завтрашнем номере, конспект которой уже рождался у меня под пером, должна была произвести фурор. Я улыбнулась, вспомнив, что капитан Зеленцов ни одной фразой не обмолвился о том, что описывать происшествие в Шанхае нельзя, и теперь из этого его промаха я собиралась сотворить небольшую такую аппетитную бомбочку для читателей.

Пожарные приехали первыми, но не намного быстрее ОМОНа. Сидя за широкой витриной гибэдэдэшного фонаря, я прекрасно видела, как промчались мимо нас сначала две пожарные машины, а за ними еще две.

– Быстро получилось, – пробормотал гибэдэдун и, весело посмотрев на меня, с зазнайством мелкого служаки добавил: – Так работают профи, девушка.

Я промолчала, а сержант, продолжая чувствовать свою причастность к промчавшейся силе, сдвинул фуражку на затылок и покровительственно предложил:

– Чаю хотите? Он у меня с мятой!

– Спасибо, не нужно, – ответила я и, встав со своего стула, подошла к окну.

Дом еле выглядывал своими верхними этажами слева из-за крыши ближних пятиэтажек, и я, вглядываясь в темные неосвещенные прямоугольники новостройки, поняла две вещи: одна – ничегошеньки отсюда я не увижу – и вторая – для логического завершения статьи неплохо было бы описать свои впечатления от действий ОМОНа и пожарных, освежив описание парочкой реплик. Слова «шли бы вы отсюда поскорее» с указанием на седого майора удачно подчеркнули бы бесстрашие наших репортеров. Говоря «наших», я, разумеется, имела в виду всей редакции, а не только себя лично.

Итак, желание сформулировалось, осталось только воплотить его в конкретные действия.

Я повернулась к сержанту, умудряющемуся следить за нами и за улицей, поглядывая за своим напарником, помахивающим жезлом на дороге.

– А есть ли смысл нам ждать? – спросила я. – Все равно же раньше утра нормально нас допросить не получится, а документы вы у нас уже проверили, все данные записали, может быть, мы поедем?

Сержант нахмурился – с силой помотал головой.

– Это уже не моя епархия, – сказал он, откручивая крышку своего термоса. – Сказали, что приедут опера, значит, нужно ждать их. Чай будете?

– С мятой? – без энтузиазма уточнила я.

– Так точно, – кивнул сержант. – В некоторых книжках врут, что мята отрицательно действует на потенцию, это неправда, гарантирую, но вас в любом случае это волновать не должно.

– Надеюсь, – ответила я и, поправив сумку на плече, сказала:

– Мне нужно выйти ненадолго, оставляю вам в залог своих товарищей и свое удостоверение. Через пять минут вернусь.

– Давайте подождем оперов, а? Они сказали, что скоро подъедут, – сержант так настойчиво это произнес, что во мне вдруг поднялось раздражение. Какого черта!..

– Знаете что, господин сержант, – с тихой угрозой произнесла я, – мне неинтересно, кто вам и что сказал. Я пока не арестована, а приехала сюда сама и оказала содействие органам. Так почему, спрашивается, я должна сидеть здесь под вашей охраной и даже выйти не могу, когда мне нужно?! Или вы хотите, чтобы я завтра же прописала в своей газете о вашем произволе?!

– Да какой произвол? – залепетал сержант, растерявшийся от моего напора. – Я же о вашей безопасности пекусь!

– К тому же открытое письмо вашему руководству заставит вас пожалеть о своем поведении!.. – выпалила я и прислушалась к эху того, что произнесла. По-моему, получилось совсем неплохо.

Я так разошлась, что начала даже входить во вкус этого дела. К тому же сержант, как видно, не склонен был терять голову, а тем более место службы из-за какой-то вздорной журналистки и примирительно махнул рукой.

– Да ну вас, девушка, – почти дружелюбно пробурчал он, окидывая меня хитрым взглядом. – Так бы и сказали, что вам по-маленькому надо... Наши ребята обычно в пивной ларек ходят. Он не работает уже, но сторож пускает. Дело-то человеческое.

Я покраснела и, ничего не сказав, опустила глаза, стараясь не смотреть ни на этого хама, ни на Ромку с Виктором, быстрой походкой вышла на улицу и поспешила отойти в тень ближайшей пятиэтажки. Прекрасное впечатление от собственного красноречия разбилось о людскую примитивность. Осталось одно огорчение, и больше ничего.

Немного успокоившись, я направилась к дому, понимая, что сейчас, когда вырвалась, возвращаться без маленькой журналистской победы будет стыдно перед самой собой.

Пожар, как я и предполагала, не оказался большим и угрожающим. Да на этом этаже и гореть-то нечему было, если хорошенько разобраться: наверняка после того, как сгорели лавки с газетками, огонь натолкнулся на кирпич и, разумеется, договориться с ним не сумел.

Когда я подошла к знакомому подъезду, стараясь держаться в тени, здесь стояла только одна машина пожарных, вторая уже уехала.

Пожарные сматывали шланги, и запакованный в негнущуюся униформу начальник расчета хрипло орал на своих подчиненных, объясняя, что в дежурке их ждет телевизор, а здесь больше делать нечего.

Здесь же находилась и пустая машина ОМОНа. Ее экипаж, как видно, прочесывал этажи многоэтажки.

Разглядев все это, я подумала, что, наверное, все-таки зря сюда пришла, потому что интересного и достойного упоминания в анналах «Свидетеля» все-таки не предвидится. Однако из сложившейся ситуации нужно было выжать максимум, и я подошла к милицейской машине.

Хмурый, притоптывающий на месте от нетерпения майор помахал мне рукой.

– Уходите отсюда, девушка, ничего здесь нет и не будет. У нас учения, так что все в порядке.

Я подала ему свое удостоверение, и, небрежно взглянув на него, майор сморщился, словно я как-то неудачно, с его точки зрения, пошутила.

– Ну вы даете, блин, откуда только... – начал было майор, но, наступив на горло собственной песне, нахмурился и пробубнил: – Все равно для вас, девушка, ничего интересного тут нет. Да и для нас тоже.

– Ну а все-таки, – прилипла я, оправдывая перед собой свой приход сюда, и задала немного неуместный вопрос так только, для затравки. – В чем причина пожара, как вы думаете? Это был поджог?

– Пока ничего нельзя сказать определенно, – ответил майор, – разбираться в причинах – дело следствия. Наше дело совсем другое, девушка, мы занимаемся обезвреживанием преступников.

Понимая, что, пойдя на контакт, мой собеседник попался, я с самым невинным видом задала следующий вопрос:

– Кого-то уже поймали?

Майор, однако, на провокацию не пошел.

– Я неясно высказался?! – рявкнул он, выкатывая глаза и темнея лицом. – Учения у нас! Учения! Если желаете приключений, то можем поймать вас и всунуть в багажник! Вон отсюда!

Миссия по поиску эпизода, достойного завершения статьи, провалилась с треском. Мне оставалось на самом деле только развернуться и уйти, что я и сделала с самым независимым видом.

Так ничего и не узнав особенного и интересного, я направилась обратно к пункту ГИБДД, где находились мои коллеги и товарищи. Я шла и думала, что первым делом, когда наконец-то появятся оперативники, нужно будет поднять шум и добиться, чтобы Ромку отпустили домой. И чтобы непременно отвезли бы его на милицейской машине. Уже поздно, и приключений сегодняшнего дня хватит и взрослому человеку, а Ромке еще до взрослости шагать и шагать, несмотря на его увлечения фотографиями.

В какой-то момент я вдруг заметила, что задумалась и, отклонившись в сторону, забрела куда-то не туда, оказавшись среди неизвестно откуда взявшихся гаражей. Раньше их тут не было. Точнее, их не было на пути между домом и пунктом ГИБДД, куда я, собственно, и шла, как мне казалось. Заблудиться ночью в незнакомом районе было не позорно, а почти естественно, поэтому я, спокойно остановившись и сориентировавшись на месте, решила, что самое разумное будет все-таки немного вернуться назад к зданию, а потом, пройдя вдоль него, выйти к пункту.

Так и сделала. Однако пройдя всего несколько шагов, я внезапно остановилась. Мне показалось, что впереди в сумраке что-то мелькнуло, и, сперва испугавшись, я метнулась в сторону, а потом, замерев на месте, постаралась взять себя в руки и понять, что же там такое было.

Я стояла в довольно широком проходе между двумя рядами гаражей, уходивших уклоном влево. Было темно, и в таком неудобном месте вполне реально было даже прогуливающуюся Мурку принять за взбесившуюся собаку Баскервилей. А если все это умножить на небольшое волнение, то можно запросто и крышу потерять от страха.

Пока я стояла, насторожившая меня тень шевельнулась, и я разглядела, что это человек и что он явно старается быть незаметным.

Человек от кого-то и зачем-то скрывался, стараясь теснее прижиматься к стене гаражей. Мне все это стало совсем неинтересно и страшно уже по-настоящему. Я запаниковала и завертела головой, стараясь быстренько сообразить, куда же бежать. В какую сторону.

Слева от меня был еще один темный проход, и вел он неизвестно куда. Но, куда бы я ни вышла в конце его, все равно это было лучше, чем идти вперед навстречу прячущемуся в темноте придурку. Бесшабашный героизм хорош только в боевиках и только по телевизору, в нормальной же жизни я обычно стараюсь избегать подобных радостей. Если получается, конечно.

Сейчас мне очень захотелось, чтобы получилось.

Повернув влево, я не спеша пошла в такой же темный проход между гаражами, как только что оставленный мною. Разница состояла в том, что, идя в прежнем направлении, я бы точно вернулась к новостройке, а вот куда я выйду теперь – понятия не имею.

Я шла, тщательно прислушиваясь к звукам, доносившимся сзади. Чуть повернув голову, я напрягала все свои чувства, и мне показалось, что за моей спиной раздались шаги. Они были громкими и все убыстрялись.

Признаюсь честно, я не выдержала и пошла еще быстрее. Потом побежала и, опять повернув за угол, попала в новый проход, образующийся двумя рядами гаражей. Что ждет меня в конце его, я не знала, но искренне надеялась, что выход. Хоть какой-нибудь. Теперь я была уверена в двух вещах: я заблудилась, и за мной действительно кто-то шел.

Через десяток шагов я решилась оглянуться. Оглянулась и ничего не заметила. Ничего и никого.

Вместо того чтобы вздохнуть с облегчением, я почему-то не поверила себе самой.

Остановившись, я прислушалась и тут увидела того, кто меня преследовал. Это был, судя по силуэту, мужчина; он шел быстрой решительной походкой, но не по дорожке, а по крышам гаражей, легко перепрыгивая через какие-то невидимые мне снизу препятствия на пути.

Взвизгнув, как не скажу кто, я бросилась бежать дальше по проходу, уже не оглядываясь и прижимая к боку сумку, словно у меня там были невесть какие ценности.

Плавню изогнувшись, проход через десять или двадцать метров – не знаю, не считала – раздвоился, и я побежала в правый, потому что четко помнила, что справа должна быть улица. Что там находилось слева, я понятия не имела. Район этот был мне не то что плохо знаком, а совсем неизвестен, словно чужой город или другая планета. Было и еще одно соображение – мой преследователь бежал по левой стороне, и я понадеялась, что он отстанет, если уж не совсем, то на какое-то время, а мне тем временем удастся выбежать на улицу, где ходят люди и ездит милиция.

Свернув направо, я остановилась, прижавшись спиной к стене углового гаража, с трудом переводя дыхание. Давно прошли те времена, когда я в своем родном пыльном Карасеве, гоняя футбольный мяч, бегала, как заведенные часы, четко, ровно, без проблем, и могла с легкой трусцы рвануть от штрафной полосы к чужим воротам. Теперь чувствовалось, что навыки эти я подрастеряла. К тому же там, на поле, за мной бежали такие же, как я, девчонки, и самое страшное, что они могли со мною сделать, – это отобрать мяч. Потеря мяча меня не пугала никогда.

Здесь дело обстояло значительно хуже.

Я услышала, как мой преследователь спрыгнул на землю. Вот теперь-то мне стало жутко: он следовал за мной по пятам.

Я что-то прокричала, сама не понимая, что именно, и бросилась вперед. Там уже показалась поперечно идущая улица, и до нее оставалось бежать совсем немного. Если бы мне только не помешали!.. Там, на улице, очень кстати уже слышались голоса людей. Если они даже не придут на помощь, то, может быть, их присутствие отпугнет преследователя?!

Он был близко, и я решила, что убежать уже не успею, если его немного не задержать.

Я развернулась – как вовремя вспомнились мои футбольные дела! – и со всего размаха пробила ему такое пенальти, какого у меня уже давно не было. Это был бы красивый гол, если бы случился на поле, здесь же получился неплохой нокдаун. Не знаю, можно ли так назвать

удар ниже ватерлинии, но я точно припоминаю, что нокдаун не выводит противника из боя полностью: он еще может оклематься.

Оставив этого гада подпрыгивать, я устремилась к улице, но тут же, пробежав еще несколько шагов и неудачно шаркнув ногой, я споткнулась о какой-то осколок кирпича, не вовремя попавшийся мне под каблук.

Каблук сломался, нога подвернулась, и я полетела на землю, не успев даже вскрикнуть, только руки вытянула, чтобы не ткнуться в асфальт носом. Рукам и досталось прежде всего. Мне даже показалось, что я вывернула левую кисть, ну да, слава богу, кажется, жива осталась. Сумка слетела с плеча, колено больно приложилось к земле, и тут на меня сверху навалился всем телом догнавший меня мерзавец.

Я рванулась вправо, что-то крикнула и изо всех сил ударила его локтем снизу вверх, целясь или в живот, или в промежность, в общем, куда получится.

К сожалению, мой удар был хорош, да ни в одну из целей не попал. Никуда я не попала, махнув локтем свежий воздух без всякой отдачи. Ну не занималась я никогда рукопашными делами, потому и навыков не было.

Однако резкое движение все-таки помогло: рука, нащупывающая мое горло, соскользнула, я на четвереньках бросилась вперед и снова что-то крикнула. Мне показалось, что не очень визгливо.

– Молчи, сука, молчи, убью! – хрипло шепнул мне в ухо этот негодяй, опять навалившийся на меня.

Смешно, правда? Он, наверное, всерьез думал, что я его буду слушаться! А я поступила как раз наоборот. Бывают в жизни ситуации, когда нужно орать громко, словно ты на соревновании по самой мощной глотке города. Изяществовать будем потом в более подходящей ситуации.

В этот момент вдруг с резким хлопающим ударом распахнулась дверь одного гаража рядом, и потоки света из него мгновенно залили проход впереди меня.

Из гаража выбежал какой-то растрепанный мужчина с монтировкой в руках.

– Эй! Кто здесь? – крикнул он и бросился к нам. – Ребята, сюда! Сюда!

Мне сразу полегчало, причем в обоих смыслах. Гад, копошившийся на мне, отскочил, я отпрыгнула в сторону и сначала села на землю, потом вскочила на ноги.

От меня отбегал мужчина в короткой куртке и через секунду исчез за поворотом.

Молодой человек, выбежавший из гаража на шум, после света плохо видел и медленно сделал несколько шагов по направлению ко мне, присмотрелся и, изумленно охнув, подошел.

– Что здесь происходит? – спросил он, осматривая меня и вглядываясь в проход, куда удрал мерзавец.

– Зовите милицию! Срочно! – крикнула я. – Ну что же вы стоите? Это убийца!

Понятия я не имела, где милиция, есть ли тут телефон – ну в гараже-то вряд ли, да и вообще самой неясно было, как звать милицию. Голосом, что ли, или руками семафорить на морской манер? – я понимала только одно: нужно орать.

Как умудренно говаривала моя Маринка: в опасных ситуациях всегда нужно сначала повышать голос, а там видно будет.

Вот я и повысила. Результат не замедлил сказаться.

Молодой человек несколько раз кивнул мне, успокаивающе помахал руками, пробормотал «конечно, а как же» и подставил руку.

– Пойдемте, пойдемте в гараж, девушка, у меня там зеркало есть и вода, – терпеливо проговорил он, и я, заткнувшись, с подозрением посмотрела на него.

За кого, интересно, он меня принимает? За бомжиху, что ли, подравшуюся со своим бомжом из-за бутылочки красненького?

Проведя рукой по волосам, я поняла, что имидж подпорчен, это так. Вспомнив, что я немного повозилась по земле, решила глаз на плащ не опускать, чтобы не расстраиваться раньше времени.

Отсутствие каблука не заставило меня перейти с элегантного шага на утиный, можно сказать, что шаг стал даже немного изысканный.

Неторопливо я пошла с моим спасителем к его гаражу. Он же на самом деле меня спас, так получается. Не марая рук, самым пассивным образом, только продемонстрировав свое присутствие. И так в жизни бывает.

– Это ваш знакомый так рассердился? Поссорились с ним? – спросил молодой человек, кашлянув и робко покосившись на меня.

Я покачала головой и ничего не ответила. Говорить не хотелось, пока не увижу в зеркале, на кого я похожа. А сейчас я к этому готовилась.

Молодой человек засопел. Теперь уже кашлянула я. Мне показалось, что я его поняла: юноша изображал из себя Чунгачгука и нюхал воздух, определяя, сколько и чего я пила.

Любопытно, запах моего «Леонарда» ему о чем-нибудь говорил? Это такой классный дезик – для тех, кто не знает. Горько-сладкий запах и с чертовщинкой легкой в третьей волне. Эта самая легкая чертовщинка и оправдывает полностью название дезодоранта. Леонард – одно из имен Вельзевула, он под этим авторским псевдонимом на Лысой горе предводительствует в Вальпургиеву ночь. Ну это опять для тех, кто не знает. Одним словом, дезик классный, и, как говорит Маринка, «три капли Леонарда круче ведра «Сальвадора Дали», а цена почти одинаковая.

Мы вошли в гараж. В нем стояла «Ауди-80» белого цвета, верстак слева, табурет перед ним. Над верстаком висели электрический щиток, немного ободранное зеркало и пластмассовые ящички с нужной металлической мелочью.

Я сразу же шагнула к зеркалу и заглянула в него. Мама моя! Лучше бы я этого не делала!

– Здесь есть вода? – спросила я, наверное более резко, чем требовалось от благодарной гостьи, но то, что я увидела, меня здорово огорчило. И ведь все это безобразие на прекрасном личике Ольги Юрьевны – серые пыльные полосы, царапины, грязь на левой скуле, косметика... м-да, ужас, летящий на крыльях ночи, – и ведь все это видела не только я, к сожалению, что придется признать, но и мой спаситель. Кстати, этот валенкоподобный обладатель «Ауди» мог бы и представиться для разнообразия спасенной красавице. Недогадливый какой!

– У меня здесь кран, – торопливо пробормотал он, показывая на противоположную от зеркала стену.

Я посмотрела туда и увидела низко над полом проведенную трубу с приподнятым над нею краном. На кран был надет блестящий черный шланг. Запыленный конец шланга лежал на бетонном полу.

– Да уж, – пробормотала я, озадаченная умывальными принадлежностями. Я сразу же представила, как неаппетитно буду выглядеть, пользуясь этим дурацким шлангом.

Этот парень понял затруднение, бочком обошел меня и невысоко приподнял конец шланга, обращая его наружу, к улице.

– Очень удобно, вы не смотрите, что так... нецивилизованно, – пробормотал он, – я подержу вам.

– Спасибо, – бросая на него взгляд, хмуро ответила я.

Тут-то я и разглядела этого услужливого кавалера, так и не догадавшегося еще представиться. Ну, я первой напрашиваться не буду. В конце концов не каждому и не каждый день удастся немного избавиться от неприятностей саму Ольгу Юрьевну Бойкову, главного редактора и прочее. Такое везение в жизни еще нужно заслужить. Этот парень заслужил, вот пусть и радуется.

Мой спаситель был высок, светловолос, но на этом обязательный набор мужской обаятельности заканчивался. Ну, если не считать, конечно, «Ауди».

В фигуре парня было что-то нескладное, то ли ноги коротковаты, то ли плечи слишком широки да сутуловаты, одним словом, создавалось впечатление какой-то недовершенности. Стриженные коротко светло-русые волосы были редки и запыленны. Приятный молодой человек, когда видно, как он смущается. И работает, наверное, мастером по ремонту машин.

– А кого вы звали? – спросила я, осматриваясь в гараже еще раз. – Мне кажется, что...

– А! – рассмеялся он. – Вы имеете в виду, когда я выбежал, то звал пацанов? Да это я так, для моральной поддержки, чтобы и самому не страшно, и жуть нагнать, если получится. Видите, сработало!

– Да вы стратег! – улыбнулась я.

– Скорее просто трус, – признался мой отважный спаситель. – Вы знаете, иногда, вот как сегодня, хочется себя почувствовать героем, но смелости не хватает, и приходится придумывать что-нибудь. Дао войны – это дао обмана, как говорили хитрые китайцы.

Закончив этой мутной фразой свою речь, он отвернул кран, и из шланга полилась вода.

«Вряд ли он машины ремонтирует, – подумала я, склоняясь над шлангом, – скорее ворует их. Как оказывается, язык-то подвешен нормально».

Умывшись сравнительно прилично, я два раза подходила к зеркалу и проверяла результаты, оставаясь недовольной, потом начала чистить плащ. С этим было сложнее, но я тоже справилась. Сполоснув в последний раз руки, я поблагодарила и, отойдя к верстаку, села на табурет.

На верстаке лежала пачка сигарет «LD» и одноразовая зажигалка. Решив, что после умывания мы уже стали не такими чужими, как были раньше, я взяла пачку в руки и чуть помедлила.

– Курите, конечно, – подросел молодой человек и, схватив зажигалку, чиркнул ею. С первого раза она не поддалась, со второй попытки пламя вырвалось слишком сильное, парень быстро убрал руку, суетливо дернул рычажок и поднес мне огонек уже в терпимом виде. Все это означало, что после умывания и очищения, – а как еще назвать чистку плаща? – очищением, конечно, – я перестала быть похожей на бомжиху, это не могло не радовать.

– Так что там у вас произошло? – мягко спросил парень, заглядывая мне в глаза и тоже беря сигарету и разминая ее пальцами. – Немного повздорили с приятелем? Как говорится: милые бранятся – только тешатся?

– Однако! – рассмеялась я. – Неужели вы мой истошный крик приняли за кокетливое покрикивание?!

– Нет, конечно, но... простите, в таком месте и в такое время... – Парень явно не знал, как себя вести и что говорить. Оставалось брать инициативу в свои руки. Вот мужики пошли, а? Спас, можно сказать, красавицу из лап людоеда, а ведет себя, как шестиклассник, впервые попавший на дискотеку.

– Я заблудилась, – честно призналась я, решив сбросить немного информации, все равно же без этого не обойтись. – Мне нужно было к посту ГАИ, а шла я от нового дома, – я махнула рукой, сама не зная уже точно, с какой стороны находится эта безразмерная многоэтажка. – Потом за мной погнался какой-то маньяк... Напал, сволочь... ну а тут вышли вы.

Я помолчала и, не дождавшись вопросов, закончила:

– Вообще-то мне нужно на пост ГАИ.

– А что у вас на посту ГАИ? Муж там работает? – осторожно поинтересовался хозяин гаража.

Я рассмеялась.

– Ну почему бы просто не спросить у меня, не замужем ли я? Нет, я не замужем и пока не собираюсь. Я журналистка, работаю в газете. В недостроенном доме тут недалеко был пожар,

я туда сходила в надежде на репортаж, и, одним словом, то, что вы видели, – издержки профессии.

– Скорее нездорового образа жизни, – мягко уточнил парень.

– Не поняла? – я удивленно взглянула на него.

В голове у меня забегали косяками жуткие мысли, что он все-таки мне не поверил и продолжает принимать если не за бомжиху, то за...

Я поняла, что в любом случае пора сваливать. В конце концов меня ждут. И Виктор, и Ромка, и очень симпатичный, хоть и толстый, сержант. Как он был прав, не желая отпускать меня!

– Так что же вы имеете в виду? – повторила я, старательно затушив сигарету в пепельнице.

– Так поздно гулять по ночам – это нездоровый образ жизни, – повторил этот не в меру болтливый блондин и, как мне показалось, даже улыбнулся.

– Возможно, – сухо ответила я и встала. – Мне пора. Спасибо за помощь и гостеприимство.

Парень тоже загасил сигарету в пепельнице и сунул пачку в карман.

– Ну что ж, пойдемте, я вас провожу к вашему посту ГАИ, хотя вы мне и не сказали, зачем вам туда надо, – сказал он, поигрывая зажигалкой. – Ваш насильник или неизвестный друг, – он усмехнулся, – убежал, и маловероятно, что его найдут даже по так называемым горячим следам. Знаете, есть такая фишка у ментов – «план Сирена-перехват»... Но гарантий никаких.

– А я и не стремлюсь к его поиску. Пока, – независимо ответила я. – Около ГАИ стоит моя машина, и там меня ждут коллеги. Волнуются, наверное, уже давно. – Я посмотрела на часы. – Ого!

– Что?

– Да удивилась. Знаете, мне казалось, что чуть ли не вся жизнь прошла за это время, а оказалось, что и сорока минут еще нет, как я ушла оттуда, от ребят.

Выйдя из гаража, парень его запер и, оглянувшись по сторонам, предложил мне руку; я не отказалась, и тут он, видимо, понял, что дальше тянуть уже глупо.

– А вы знаете, о чем я подумал? – спросил он, начиная застенчиво кашлять.

– Любопытно, – пробормотала я, уже догадавшись, что последует за таким лирическим вступлением.

– Мы с вами так и не познакомились, – торжествуя от осознания собственной сообразительности, сказал молодой человек.

В этот момент мы вышли из гаражных лабиринтов и, повернув вправо, направились к перекрестку. Где-то здесь и должен был находиться мой наблюдательный пункт ГИБДД.

– Тонкое замечание, – оценила я сказанное, увидев уже недалеко долгожданный фонарь ГАИ. – Торопитесь, а то уже видна цель моего путешествия.

– Меня зовут Роман, – выпалил мой спутник.

Я порылась в кармане плаща и подала ему свою визитную карточку.

– Меня – Ольгой, – сказала я и добавила: – А остальное там написано. Вы чем занимаетесь в жизни, Роман?

– Да как сказать... чем придется, но вообще-то по жизни я художник-живописец.

– Мы все художники вообще-то, – философски заметила я. И тут, поднеся руку к плечу, обнаружила, что я без сумки. Остановившись как вкопанная, я оглянулась назад.

– Что такое, Оля? – спросил Роман, перечитывая мою визитку во второй уже, наверное, раз.

– Я к вам пришла уже без сумки, – задумчиво сказала я, – значит...

– Ну-у, наверное, – протянул Роман и, тоже хмурясь, оглянулся в сторону своего гаража, – кажется, вы на самом деле были без сумки. Точно, без сумки. Точно, я вспомнил.

– Это не есть хорошо, – пробормотала я, – совсем не зеер гут. Возвратиться, что ли, и поискать?

Возвращаться мне не хотелось, но лишиться сумки не хотелось тоже. Я начала быстро вспоминать, что у меня там лежит. Все мелочи оказались ценными и привычными в своей ценности: расческа, губнушка, диктофон...

Я попыталась вспомнить, где же кассета с рассказом Константина, и не смогла: слишком много событий навалилось на меня за последнее время. Да и не только событий.

От фонаря ГАИ отделился силуэт. Я разглядела Ромку.

– Ольга Юрьевна, ну наконец-то! – нервно крикнул он. – А мы уже начали волноваться!

– Это ваш тезка бежит, Роман. Он работает курьером в нашей редакции, – пояснила я своему спутнику.

Ромка подбежал, и два Романа, неприязненно уставившись друг на друга, оба, кажется, почувствовали себя лишними. Тот, что помоложе, был прав, но я, конечно же, не сказала этого.

– Ну, так как вы уже пришли, – сказал Роман, который художник, – я, пожалуй, пойду. А сумку вашу я посмотрю прямо сейчас. Вы не волнуйтесь, Ольга, если найду, позвоню вам.

Я промолчала, поглядела на него в ожидании, что же еще он скажет. Мне не хотелось, чтобы он уходил, оставив мне только миражное обещание найти сумку. А если он ее не найдет? Все на этом? Мне сия мысль не понравилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.